
КРАТОС - 1
(Т-проблема)
Олег Волховский

Кратос

Олег Волховский

Кратос - 1. Т-проблема

«Автор»
2026

Волховский О.

Кратос - 1. Т-проблема / О. Волховский — «Автор», 2026 — (Кратос)

Космическая империя Кратос. Умирает старая императрица Анастасия Павловна, и к власти приходит ее преемник – Владимир Страдин. Чем обернется его правление?Перемены не заставляют себя ждать. На отдаленной планете Светлояр, входящей в состав империи, арестован и обвинен в измене глава колонистов Даниил Данин, ученый, путешественник, воин и дипломат."Сквозь огромные окна бьет багровое закатное солнце, стучит под сапогами искусственный камень пола, там, за стеклом, шумят деревья, огромные, как галактические линкоры, тени играют на бархатной обивке стен. За спиною и по бокам гулкие шаги охраны, руки сложены за спиной.Я не могу поверить в происшедшее..."

© Волховский О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая 5
1. Даниил Андреевич Данин. Светлояр 5
2. «Святая Екатерина» 12
3. Скит 17
4. Казино 25
5. Новое имя 33
6. Герман Маркович Митте 44
Часть вторая 46
7. Даниил Андреевич Данин. Тесса 46
8. Теос 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Кратос - 1. Т-проблема

Часть первая

1. Даниил Андреевич Данин. Светлояр

Сквозь огромные окна бьет багровое закатное солнце, стучит под сапогами искусственный камень пола, там, за стеклом, шумят деревья, огромные как галактические линкоры, тени играют на бархатной обивке стен. За спиною и по бокам гулкие шаги охраны, руки сложены за спиной.

Я не могу поверить в происшедшее.

Как я бился за этот проект! Рассчитал мою планету, понял, где она находится, открыл вход в гипертуннель с помощью карандаша и ластика, как истинный математик. Пусть это был виртуальный карандаш и виртуальный ластик, образы которых создал для меня перстень связи на моей руке! Сути не меняет.

Десять лет я боролся за право организовать экспедицию. Помогли два человека: друг отца Герман Маркович Митте, большой чин в Службе Безопасности Кратоса и мой друг поэт Никита Олейников, вдруг в одночасье оказавшийся любимым поэтом императрицы. Никита намекал, что его рекомендовала одна из многочисленных внучек Анастасии Павловны. Впрочем, неважно. Именно эти два человека донесли до императрицы мой проект. Наверное, она улыбнулась и сказала что-нибудь типа: «Ладно! Дерзай, мальчик!» Мальчику было уже за тридцать.

В результате я получил в распоряжение небольшой исследовательский корабль с экипажем и чин подполковника в придачу. Мы оставили тяжелую махину на орбите и спустились на поверхность на нескольких десантных шлюпах.

Я чувствовал себя новым Колумбом. Вокруг возвышались чудовищные деревья, похожие на гигантские папоротники. И я казался себе муравьем на земле среди высоких трав. Эти деревья не назовешь корабельными: ни один корабль такого не выдержит, даже Иглы Тракля на имперских линкорах не достигают подобных размеров. Мы словно вернулись в прошлое земли, во влагу и сумрак мезозойского леса.

Я долго колебался, не давая названия планете. Не называл, когда мы поняли, что да, у звезды есть внутренние планеты, молчал, когда стало ясно, что одна из них землеподобная, хоть и меньше по объему почти на треть. Когда мы оказались на орбите, я сказал: «Подождем, пусть проявит характер».

Она проявила. Не прошло и дня, как к месту посадки вышел хозяин этих лесов, огромный, тучный, с маленькой головой на длинной шее. В мезозое водились подобные зверушки: брахиозавры, кажется. В длину «зверушка» достигала метров тридцати, а в высоту — четырехэтажного дома. А двигалась легко и без усилий. Здесь все легко: ходьба, бег, подъем тяжестей. Только дыхание, быть может, чуть труднее.

Мы ретировались к машинам и достали оружие. Гамма-лазеры и обычные лазеры высокой мощности.

А она перла прямо на наши корабли и наспех поставленные палатки.

— Стреляем в голову! — бросил я.

Выстрелили почти одновременно. Голова ящера вспыхнула и обуглилась, а зверь все шел вперед. Еще немного и раздавит палатки! Сожженная шея сломалась, из раны ударил фонтан темной крови, дымящаяся голова медленно (как при замедленной съемке) упала в траву, послышался хруст — умирающий зверь наступил на нее лапой.

Я сжал рукоять лазера похолодевшей рукой и прицелился. Сверкнул луч, пламенеющая борозда прошла по туловищу, разрезая его пополам, и тогда ящер, наконец, рухнул в метре от меня, ломая вековые деревья и забрызгав кровью все вокруг. Очень привычной почти красной кровью, но текла она ведрами. Кровавая лужа скопилась на листе зонтичного растения и по капле пролилась на землю. Так лениво и неторопливо, словно это были не капли крови, а багровые стеклянные бусины в воде.

Весь день и всю ночь, забыв о сне и еде, мы ставили вокруг лагеря сигнальные ограждения и крепили на них автоматическое оружие. На следующий день попалось еще три похожих зверя, наверное, это было стадо. Лагерь окружили гниющие туши. Я глядел на мертвых гигантов и думал о том, что это избиение младенцев. Человеку они не конкуренты. Увы, всех перебьем, даже не успев занести в красную книгу. И теперь здесь не возникнет свое уникальное человечество, потому что мы уничтожим его потенциальных предков.

Ребята-биологи взяли образцы тканей и сделали вывод, что это можно есть. Отважился я один. Похоже на змею, развлечение для любителей китайской кухни. Так как желающих больше не нашлось, а останки ящеров продолжали разлагаться в непосредственной близости от лагеря, я решил воспользоваться Иглой Тракля. И туши были аннигилированы, превращены в излучение и поглощены пространственно-временной воронкой, спалившей попутно несколько деревьев, но слизнувшей огонь с ближайших ветвей в свое подпространство и не давшей разгореться пожару.

И тогда я придумал название моей планете. Я не хотел ничего страшного или наукообразного: ни «Ящер», ни «Динозавр», ни «Мезозой». Скорее в голове крутилось что-то мифологическое: неуместные Лоэнгрины, Замки Веселой Стражи и Девы Озера. Я вспомнил о скандинавском драконе Фафнире, но не хотелось давать название в честь поверженного врага. Скорее уж, Сигурд, его победитель.

Но мы пришли строить, а не сражаться. Нам здесь жить. И тогда я вспомнил о Светлояре, том самом озере, в которое когда-то погрузился град Китеж, спасаясь от батыевых орд. Я надеялся, что императрица не обвинит меня в эскапизме. Я собираюсь возводить мой Китеж, а не топить.

Она приняла мое предложение: «Светлояр, так Светлояр!». Назначила главой колонистов и пожаловала чин полковника. Именным указом. Мне доставили патент, напечатанный на гербовой бумаге и заверенный личной подписью Анастасии Павловны. Хоть на стенку вешай!

Почти одновременно пришло письмо от Никиты, того самого поэта и приближенного ко двору:

«Баба Настя прочит тебя в губернаторы твоего Светлояра. Сказала, что ты уже достоин, но нельзя же назначать человека "губернатором палаток". Так что строй свой Китеж! И попомни мое слово: построишь хотя бы деревню — будешь губернатором».

Прошло пять лет. Мы построились, а местные динозавры, наконец, постигли своими крошечными мозгами, что к этим мелким и бледнокожим лучше не соваться и оставили нас в покое. От Никиты шли письма о близости моего назначения. Тогда же поползли слухи о представлении меня к ордену «За заслуги перед отечеством», и я уже спал и видел на своем мундире восьмиконечную алмазную звезду.

Неожиданно пришло известие о смерти императрицы. Как гром с ясного неба! Мы объявили траур и совершенно искренне оплакали Бабу Настю и помянули свежесваренным папоротниковым самогоном. Славная была тетка, ничего не скажешь: и сама жила, и другим жить давала. Тогда же, на общей попойке, мы решили назвать столицу Светлояра (сотня домов со зданием администрации) Анастасией Великой.

Но все пошло наперекосяк. В качестве преемника ждали Леонида Хазаровского, известного франта, ловеласа, филантропа и великого экономиста и управленца, именуемого в народе «Лео», последнего любовника императрицы. Случилось иначе. Неожиданно преемником Ана-

стасии Павловны оказался министр двора Владимир Страдин, человек жесткий, авторитарный и не терпящий оппозиции. Творческая и университетская аристократия огорчилась, пошмыгала носом, поерепенилась, поругалась да и замолчала в тряпочку. Зато военная и чиновничья воспрянула духом.

По роду занятий я принадлежу к военной аристократии, но по происхождению — из университетской и, честно говоря, я был душою с теми, кто ругался, шмыгал носом и ерепенился, а отдаленность наша от благословенной столицы позволила мне не молчать в тряпочку, так что господину Страдину от меня досталось на полную катушку. А в каждом письме из Кириополя жаловался на жизнь и изливал душу лишенной спонсорской поддержки поэт Никита Олейников.

Свобода — такая вещь: когда она есть, ее не замечаешь, когда нет, не знаешь, что она нужна. А вот, когда она была, и ее начинают отнимать — это больно, это ужасно, это хуже всего!

Алмазная звезда до меня так и не долетела, не иначе застряла где-нибудь в чиновничьем болоте и канула на дно.

А на одном ужине в компании колонистов я, вероятно, не очень удачно пошутил, закусывая папортниковый самогон динозавровым бифштексом. После чего я заподозрил, что это мясо обладает наркотическим действием покруче самогона.

— А что? — сказал я. — Не отделиться ли нам от Страдина? Вон все есть: и выпивка, и закуска. На хрена он нам нужен?

И теперь, когда нас вознамерился посетить представитель «Дяди Вовы» тайный советник Антон Петрович Роков, я не ждал от визита ничего хорошего, опасаясь, что его служба будет в полном соответствии с фамилией. Дело даже не в моей очевидной нелояльности, а в том, что Страдин ставит везде исключительно своих людей, независимо от уровня их компетентности. Я не свой.

Злые языки говорят, что у нас вообще не монархия, а республика с одним избирателем (император или императрица назначают преемника). После истории со Страдиным я стал склоняться к мысли, уж не расширить ли число участников.

Вместе с известием о воцарении Страдина пришла новость, что Хазаровский в тюрьме за финансовые махинации. По крайней мере, таково официальное обвинение. Это уж совсем свинство — посадить побежденного соперника! Никита новость прокомментировал непечатно и пропал. Не там ли и Олейников?

Ко всем неприятностям прибавилась еще одна похлеще всех прочих: на орбите моего Светлояра заметили цертисов. Об этих странных существах было известно немного. Цертис — разумная энергетическая форма жизни неземного происхождения (хотя черт его знает, относительно происхождения есть разные версии). Встречается редко, но повсеместно во всей исследованной части галактики. В планетах для жизни не нуждается, чем думает, как общается и как перемещается в пространстве — непонятно. Но и думает, и общается и перемещается — это несомненно. С людьми контактируют мало и только приватным образом. Известны случаи долговременных отношений непонятного характера. Пострадавшие обычно говорят о сильной эмоциональной привязанности. Именно пострадавшие, потому что у подобных историй два основных исхода: либо человек исчезает, либо впадает в жесточайшую депрессию, часто приводящую к самоубийству. Ходят слухи о всемогуществе цертисов.

Но наши энергетические полубоги пока висели на орбите и никого не трогали. Впрочем, это до поры, до времени. Значит, еще тронут.

Перед визитом Рокова у нас появились тессианские торговцы. Я им искренне обрадовался. Предприимчивость народа Тессы всем известна, наверняка привезут что-нибудь выходящее за рамки стандартного набора имперского транспорта, формируемого под лозунгом

«только самое необходимое». При Анастасии Павловне нас изрядно вознаграждали за наши усилия, так что деньги водились.

К тому же Тессианцы обладают способностью создавать вокруг себя легкую и приподнятую атмосферу. Я надеялся, что они разрядят обстановку в преддверии визита Рокова.

Вначале они оправдали ожидания: днем устроили нечто вроде ярмарки, а вечером пикник с деликатесами, гитарами и тессианским вином. Я заметил, что голос певца слегка дрожит, но успокаивал себя: ну и что? Новая планета, незнакомая обстановка, новые люди. Но не должны ли торговцы быть спокойнее? Они привыкли к новизне.

Контрабанда?

Груз проверяли поверхностно, до сих пор я не сталкивался с проблемами.

Но я оставил пикник и пошел на склад. Один. Я не чувствовал такой уж опасности, и мне никого не хотелось отрывать от осетрины и шампанского только потому, что у меня фобия.

Склад единственное надежно запираемое помещение на Светлояре, стоит сенсорный замок, реагирующий на сигнал с кольца связи. Я коснулся его радужной полукруглой поверхности, и дверь открылась.

Включил свет. В большом зале тессианцам выделено несколько десятков метров под их товары. Весь угол забит коробками, белый, зеленоватый, голубой пластик. Рядом висит дешевый печатный портрет Анри Вальдо. Я поморщился. Тессианский сепаратист весело смотрит на меня из-под лихо заломленного берета. Белобрысые космы рассыпались по плечам. Светлая бородка клинышком. На берете серебряные буквы «RAT». Республиканская Армия Тессы.

За спиной послышались шаги. Я обернулся.

На склад вошел один из торговцев, черноволосый и смуглый парень по имени Иньиго. Следил за мной?

— Хотите проверить? — спросил он. — Давайте я вам покажу.

— Будьте так любезны, — сказал я, продолжая разглядывать портрет. — Что здесь делает Анри Вальдо?

— Висит, — улыбнулся Инъиго. — Иметь портрет Вальдо не преступление.

Верно, не преступление. Честно говоря, такой портрет есть у каждого второго тессианского студента. Но эти ребята уже не студенты, пора бы перебеситься.

— Он вроде бы раскаялся, — заметил я.

— Он остается героем Тессы, что бы с ним не сделали в Психологическом Центре!

— Веревка плачет по вашему герою — вздохнул я. — А ну, показывайте!

Он покорно открывал передо мной коробку за коробкой: консервы, вино, фрукты, мука. Ничего подозрительного. Я не мог заставить его разорвать все упаковки и вскрыть все банки — это уничтожить товар.

— Ладно, — говорю. — Спасибо, Инъиго. Идите.

На меня насмешливо смотрел плакатный Анри Вальдо.

Утром на орбите возник корабль Кратоса, а час спустя мы уже встречали челноки.

Мне показалось странным количество и оснащение шлюпов: боевые хорошо вооруженные машины и, по крайней мере, полк десанта. Война?

Самый высокий из высоких гостей — Антон Роков спрыгнул на выжженную землю и направился ко мне. Одет дорого, но без излишеств. Черный камзол с красным шитьем, черные волосы зачесаны назад и собраны в короткую косу, под темно-багровый бант.

Я приветствовал его вежливым поклоном — он не протянул руки. На худом длинном лице, в углу рта, возникла и тут же исчезла презрительная морщинка.

Его сопровождала охрана, императорские гвардейцы в темно-зеленой форме с красным фениксом, возрождающимся из пепла, на груди и на рукавах. Он, не оборачиваясь, сделал им знак рукой. Они подошли ко мне и встали по бокам. Я не сразу понял, что происходит.

— Данила Андреевич, — тихо сказал Роков. — Вы арестованы. Отдайте оружие.

— На каком основании? — поразился я.

— Не беспокойтесь, в неведении не останетесь.

Оружия я не ношу.

Роков держал паузу, пока один из гвардейцев встал у меня за спиной, а двое других завели руки назад, браслеты пластиковых наручников плотно обхватили запястья, словно мне нарастили новую кожу. И я почувствовал, как разрывается связь с глобальной Сетью — я оглох и ослеп для мира, сигналы биомодераторов заблокированы, и перстень связи тщетно пытается докричаться до симбионтов в моей крови. Я чувствую, как его снимают с пальца. Роков берет, вертит в руке.

— Вы обвинены в государственной измене! — объявляет он.

Нас мало, колонистов. Антон Петрович говорит достаточно громко, чтобы услышали все. Он оперся на трость, рука с перстнем связи лежит на набалдашнике.

— Кем? — спрашиваю я.

Он вынимает из внутреннего кармана цилиндрический футляр, достает бумагу и разворачивает перед моим носом. Я вижу бумагу второй раз в жизни. На первой был патент на чин полковника. Эта такая же гербовая с глянцевой поверхностью и несмываемым текстом, в огне не горит, в кислоте не растворяется, только вместо витиеватой и размашистой подписи «Анастасия» красуется строгое «Владимир». Такой документ можно дистанционно уничтожить с помощью сигнала с императорского перстня, мгновенно и в любой точке Вселенной. На такой бумаге, говорят, напечатаны документы высоких уровней секретности, что лежат в подземном хранилище в Кириополе под зданием СБК.

Я читаю: «Приказываю полковника Даниила Андреевича Данина арестовать по подозрению в сепаратизме и причастности к заговору с целью захвата власти и препроводить на Кратос».

Зачем так пафосно? Для моего ареста не нужен личный императорский приказ, можно обойтись прокурорским уровнем. Я фактический губернатор целой планеты, но формально — да, только полковник. Дело особой важности?

Или боятся, что мои люди устроят поножовщину и надеются на императорское слово, перечить которому никто не осмелится? Неужели и корабли здесь в мою честь?

Белый лист бумаги, покачивается на ветру, сияя радужными фениксами.

Зачем так унизительно? С меня еще не срывали эполеты и не ломали шпагу над головой. Почему бы не дать приказ в руки? Я не собираюсь ни бежать, ни поднимать бунтов.

— Это неправда, — угрюмо говорю я.

Роков игнорирует.

— Где у вас гауптвахта? — спрашивает толпу.

— У нас нет, — отвечает откуда-то из-за спины мой помощник Сергей.

— Как же так, Даниил Андреевич, пять лет без гауптвахты? — спрашивает Роков. — А устав не для вас написан?

— Не нужна была, — замечаю я.

По иронии судьбы меня заперли на складе, который я проверял накануне, как в единственном на планете, надежно запираемом помещении. Я бросил парадный камзол под портретом Анри Вальдо. Ничего похожего на кровать мне не предоставили. Двое охранников расположились на раскладных стульчиках у двери и принялись травить анекдоты.

После полудня явился Инъиго со товарищи.

— Мы продали часть нашего груза на императорский линкор, — весело объявил он охранникам и подмигнул мне. — Завтра они вылетают.

Начали вытаскивать коробки.

— Ну, так по кому веревка плачет? — бросил он мне на прощание.

Ближе к вечеру за мной пришли.

— Вставайте, Даниил Андреевич.

И вот я иду по коридору базы в сопровождении императорских гвардейцев, с руками, сложенными за спиной.

Меня выводят на крышу, на посадочную площадку. Возле гравиплана ждет Роков. Сдержанно кивает, окидывает взглядом, кажется, с сожалением. Приподнимает трость, указывая на дверь машины.

— Садитесь, Даниил Андреевич.

У конца трости инкрустация в виде молнии. Биопрограммер, оружие спецслужб и символ их власти.

Подчиняюсь, захожу в гравиплан, Роков садиться позади, по бокам от меня — гвардейцы.

— Куда летим? — спрашиваю я.

— Всему свое время, — отвечает посланник. — Имейте терпение, господин полковник.

Машина легко поднимается ввысь.

Летим над лесом, солнце клонится к закату. Стволы деревьев, разделенные на сегменты, кажутся конечностями членистоногого.

Внизу небольшое каменистое плато, окруженное гигантскими папоротниками. Мы приземляемся.

Под ногами скудная растительность, в основном, лишайник и редкие пучки травы. В центре плато — одинокое дерево с гладкой, почти белой корой и широкой кроной с мелкими листьями.

Антон Петрович спрыгивает на скалу вслед за мной.

Мне сводят руки за спиною, держат за плечи.

— Господин Данин, по личному императорскому указу вы должны быть расстреляны, — говорит Роков.

До меня не сразу дошел смысл сказанного.

— Как? Без суда? Меня даже ни разу не допросили!

— Личный императорский указ, — терпеливо повторил Роков. — Нам сейчас не до судебной волокиты.

Я сжал губы. Да, есть у Страдина такое право. Новая редакция французского обычая королевских писем. Отвыкли как-то за правление Анастасии Павловны. Императрица была эмоциональна, если не взбалмошна, могла наорать и покрыть матом, могла глушить водку, как шкипер, но никогда, ни одного человека при ней не казнили по личному указу, без суда. Даже на сутки никого не посадили.

Над лесом висит багровое закатное солнце в ореоле облаков, текущих с немыслимой скоростью и вращающихся подобно колесам гигантской колесницы.

Внизу ветер почти не ощущается. Тихо, травинка не шелохнется. Начал накрапывать дождь. Медленный дождь Светлояра, когда каждая капля словно зависает в воздухе.

И время застыло, как трава, и зависло над миром, как дождевые капли. Каждый шаг — вечность. Мозг работает, словно в лихорадке, и бешено стучит сердце. Молиться? Искать выход?

Подводят к дереву, размыкают наручники, заводят руки назад, вокруг ствола, смыкают снова. Толстый пластиковый шнур между браслетами, вероятно, растянулся, расплющился и врос в кору — я не могу пошевелить рукой. Гвардейцы отошли метров на двадцать. У одного из них на плече лежит темная матово-поблескивающая трубка, длиной около полуметра, сужающаяся к концу. Он непринужденно поддерживает ее рукой. Я не верю глазам! Игла Тракля? Есть множество куда более дешевых и простых способов убить человека.

Солдат спустил оружие, взял двумя руками и начал прицеливаться. Сейчас с его перстня связи идет сигнал, программирующий ориентацию пространственно-временной воронки, куда исчезнет чудовищное излучение от аннигиляции, чтобы было минимум разрушений. Они не собираются запалить лес.

Не останется ничего, даже пепла, который можно развеять над планетой или вывести на Кратос. Надо мной — широкая крона дерева. Она разделит мою судьбу, за наносекунды испарившись в потоке гамма-квантов.

Я начал шептать молитву, отчаянно пытаясь убедить себя, что душа бессмертна, заставил оторвать взгляд от черной зеркальной поверхности Иглы Тракля и поднял глаза к пылающим небесам.

2. «Святая Екатерина»

Вдруг над лесом вспыхнуло холодное белое сияние, похожее на шаровую молнию. Оно растекалось по небу, разгораясь и затмевая багрянец заката. А солдаты почему-то не стреляли.

Темно-зеленые мундиры, почти черные в вечерних сумерках, вдруг обрели цвет, а мои палачи стали неподвижны, как куклы или мертвецы, словно время остановилось.

Свет пролился на траву и потек ко мне…

Все исчезло или я потерял сознание. Но только на миг. Мир вернулся под то же пурпурное небо, но без всякого свечения. Были и гвардейцы, которые должны меня убить. Только стволы не поднимались, а опускались.

Тогда я услышал гул вертолетов. Три машины летели над лесом, маленькие вертолеты колонистов. Нет у нас гравипланов, слишком дорогая технология, не доросли.

Меня успели отвязать до того, как они сели.

Из ближайшего вертолета вышел Сергей с ребятами и направился к нам.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Из других машин спрыгнули мои бывшие подчиненные. Все вооружены.

— Даниил Андреевич выразил желание проститься со своей планетой, — сказал Роков. — Мы пошли ему навстречу.

— Меня должны были расстрелять по императорскому указу, — прокричал я. — Ребята, одного прошу: пусть это станет известно в столице!

Роков пожал плечами:

— Вранье!

Бесполезно! Мои люди верят мне, тому, кто пять лет делил с ними все опасности колонизации, спал под одной крышей, а то и на голой земле, и ел у одного костра. Их круг сжимается.

— Пристрелить его? — спросил Сергей и кивнул в сторону Рокова.

— Опустите оружие, — приказал я. — Это императорский посланник, вы с ума сошли! Пусть станет известно, широко известно! И это все.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся Роков. — Господин Данин будет доставлен на Кратос в целости и сохранности. Дальше — решит суд.

Меня снова посадили в гравиплан, и мы полетели на базу. Всю дорогу я видел отражение в стекле кабины: императорский посланник кусал губы.

Гауптвахта линкора «Святая Екатерина» представляла собой комнатку два на три. Довольно чисто. Стены спокойного кремового оттенка, только за перегородкой сияли металликом раковина и унитаз, и отражало окружающую обстановку небьющееся пластиковое зеркало. Я умылся, подмигнул своему отражению — ничего прорвемся. Я жив, и это уже немало.

Из зеркала на меня смотрел молодой человек немного за тридцать. Юноша по нашим временам. До начала эпохи генетических преобразований никто бы не дал больше двадцати. Но теперь возраст определяют не по внешности, а по взгляду, манере поведения, интонациям, уверенности в себе. И, как правило, не ошибаются. Мне тридцать пять.

Серые глаза, темные, немного волнистые, волосы ровно такой длины, чтобы можно было соорудить короткую косу, сейчас распущены, я не на приеме. Редкая цветовая гамма нравится женщинам, но мне не до самолюбования. Теперь это особая примета для Службы Безопасности Кратоса.

Широкие плечи — следствие занятий спортом в Универе и выбора военной карьеры.

Я не пошел по стопам родителей. Мама, маленькая женщина с черными волосами, голосом с хрипотцой и вечной сигарой в руке. Профессор Данина. Людмила Георгиевна. Врач. Преподаватель Первого Медицинского Университета Кириополя.

И отец. Высокий подтянутый, на две головы выше супруги. Начальник Управления Образования Кратоса, чиновник, когда-то начинавший учителем. Андрей Кириллович Данин.

Боже! Что им наговорили про меня?

Приключившаяся со мной история представлялось мне странной до чрезвычайности. Мало того, что смертная казнь в Кратосе событие из ряда вон выходящее, но чтоб так, без разбирательства и суда — вообще ни в какие ворота. Да, такое право у императора есть, но я не помню случаев применения. Обычно у приговоренного год на апелляции и прошение о помиловании. Да и не расстреливают по закону. Есть утвержденный безболезненный метод, официально именуемый «эвтаназией».

Казнят путем перепрограммирования биомодераторов, живущих в крови каждого гражданина Кратоса: от младенца до старика. И наши симбионты, микроскопические биороботы, создающие усовершенствованный иммунитет, спасающие нас от болезней и старости, те, что латают дыры организма от царапины до цирроза печени, под влиянием биопрограммера становятся врагами и разрушителями.

Это оружие запрещено для частного использования и находится на вооружении спецслужб, но Роков помахивал тростью с его символикой. Ну, допустим, он творил самоуправство и хотел меня помучить…

Последнее точно бред! Биомодераторы можно запрограммировать так, что мало не покажется. Расстрел из Иглы Тракля больше напоминает заметание следов, чем квалифицированную казнь. Но зачем тогда вообще обставлять это как расстрел? Один выстрел наемного убийцы — и нет проблемы. Не говоря уже о том, что убивать человека с помощью оружия, изобретенного для уничтожения вражеских линкоров в космосе — это из пушки по воробьям.

А самое странное, что мне не надели допросное кольцо. Устройство связи отобрали — я посмотрел на средний палец без перстня — это понятно, хоть и ужасно. Я выпал из единого информационного поля, и мир схлопнулся до размеров камеры, и на руках белеют блокировочные браслеты, которые не дадут выйти в Сеть, даже если я украду устройство связи. Но чтобы человека казнили, не просканировав личность — где это видано?

Да и с чего императору интересоваться моей скромной персоной? Болтовня с друзьями за чаркой водки? Бред! Страдин — очень уравновешенный человек, надо отдать ему должное. При всем моем сдержанном к нему отношении, он не Иван Грозный, чтобы убить на пиру за опрометчивое слово. Хотя, говорят, мстителен и злопамятен…

Третьи сутки я совершенно один, нет даже тюремщика, приносящего еду. Она появляется три раза в день в прозрачном ящике на стене, мгновенная доставка. Есть можно, я привык к скромному рациону.

Несостоявшийся расстрел вышиб у меня из головы все мысли о тессианском грузе. Но теперь они вернулись. К чему относилось многозначительное подмигивание Инъиго: к его товару или к общности моей судьбы и судьбы Анри Вальдо?

Я не сомневался, что за мной наблюдают. Встал посредине камеры и сказал, обращаясь к потолку:

— Мне необходимо встретиться с Антоном Петровичем Роковым, у меня для него важная информация.

В течение дня реакции не последовало. Тогда я повторил еще.

— Мне необходимо встретиться с посланником, пусть проверят тессианский груз.

Я сел на кровать, весьма приличную, застеленную чистым бельем. В экспедиции приходилось спать в гораздо худших условиях. Взгляд упал на противоположную стену. Прямо над столом, на стене, я заметил странные следы, словно пластик расплавлен чем-то толщиной порядка сантиметра. Три таких полосы. Я вспомнил, что пластик огнеупорный и суперстойкий, и мне стало не по себе.

К посланнику вызвали утром четвертого дня.

Дверь камеры тяжело отъехала в сторону, мне сомкнули руки за спиной.

Коридор линкора скупо освещен желтоватым светом, за иллюминаторами — незнакомый рисунок созвездий. Мне пришло в голову, что здесь господин Роков вполне может довести дело до конца: в шлюз для легких кораблей и за борт без скафандра. Император будет доволен: тихо и эффективно.

Посланник сидел в кресле в кают-компании. Я, как подозреваемый в государственном преступлении, естественно перед ним стоял. Он в придворном камзоле с золотым шитьем, я в одной рубашке (мой камзол так и остался валяться на складе под портретом Анри Вальдо). Волосы у меня распущены, не из любви к моде поэтов и бунтовщиков, просто меня разбудили и, не дав прийти в себя, и потащили сюда, так что я не успел заплести косу. Копия упомянутого портрета, только сменить цвет волос и нахлобучить берет с известной надписью.

— У меня для вас хорошая новость, — сказал Роков. — Император отложил исполнение приговора, — он усмехнулся. — Поздравляю!

— И что?

— Вас приказано доставить на Кратос и подвергнуть дело детальному разбирательству.

— Я ни в чем не виноват.

Он развел руками.

— Это не в моей компетенции. Я не следователь и не суд. Мое дело вас довезти.

— Вы проверили тессианский груз?

— Конечно, еще при погрузке. Что вы об этом знаете?

Я пожал плечами.

— Ничего. Сердце неспокойно.

— В вашем положении трудно сохранять спокойствие, — заметил посланник.

Я не стал в очередной раз упоминать о своей невиновности. Какое мне дело, в конце концов? Даже, если там наркотики, мне-то что — пусть экипаж развлекается.

Я начал терять ощущение времени. Даже нечем сделать зарубку на стене!

Хоть бы оставили доступ к новостям и открытым библиотекам, сволочи! Что я убегу, если в имперскую энциклопедию залезу?

Мне снилась девушка в полупрозрачном покрывале на сияющих волосах, прекрасная как сон. Ее окутывало белое свечение.

— Пойдем со мной, — сказала она.

Голос, как пение скрипки.

Покрывало всколыхнулось под ветром, но под узкой стопою не примялась трава.

Я шагнул за нею.

Мы на вершине горы, внизу — лес и озера, шпили и купола храмов и город вдали…

Видение было недолгим: земля зашаталась, меня бросило на траву, и я проснулся.

На корабле происходило что-то странное: он дрожал, ложка дергалась в стакане, и он медленно сползал к краю стола. Вибрации нарастали. Что за болтанка?

Линкор тряхнуло, с полки посыпались упаковки с едой. Я вскочил, бросился к двери. Движение было скорее инстинктивным. Даже, если будет эвакуация, обо мне вряд ли вспомнят. Да и куда эвакуация? Я понятия не имею, где мы находимся. Что, если в сотне парсеков от ближайшей населенной звездной системы?

Руки в отчаянии поползли вниз, оставляя на двери такие же неглубокие оплавленные следы, которые я заметил на стене несколько дней назад. Возле кончиков пальцев разгоралось синеватое свечение, и за каждым из них тянулась дымящаяся бороздка. Я отпрянул, посмотрел на ладони: ни ран, ни ожогов, только ультрамариновый светящийся ореол. Потом — на изуродованный пластик.

Раздался скрежет, волосы тронул ветер, рванул вверх. Сила тяжести исчезла, и я поплыл по воздуху рядом с колбасой и нарезанным кусочками сыром, стаканом, ложкой, мылом и зубной пастой, вылетевшей из-за перегородки. Погас свет. Я с трудом смог сгруппироваться, повернуться и посмотреть на потолок. Надо мной раскрывалось звездное небо, и все заливало серебряное сияние, словно корабль повернулся и в пробоину ворвался свет близкой синей звезды. И этот свет тек в меня, проникая сквозь кожу, как во время несостоявшейся казни.

Я смог дотянуться до дверцы шкафа, схватился за нее и бросил себя к двери. Серебряное сияние потекло из пальцев, я провел по правому краю бронированного покрытия, где-то здесь должен быть замок. Металл под рукою потек и закипел, с запястий закапал расплавленный пластик блокировочных браслетов.

Дверь открылась почти бесшумно, отъехала в сторону, и я вылетел в коридор. Попытался запереть за собой, но она и так приварилась к стене. Рядом повисли капли расплавленного металла. Трещина бежала и ветвилась по потолку. Значит, переборки не помогут. Линкору осталось жить от силы минут десять.

Я бросился по коридору к отсеку челноков, императорские линкоры имеют похожую планировку, мне приходилось летать на таком. Воздуха становилось все меньше, сила тяжести исчезла совсем, я летел, отталкиваясь от стен. Впереди закрытая переборка. Не дверь камеры, не открыть. Наверное, это конец.

Передо мной разгоралось серебряное пламя.

Провал памяти. Выпало минут пять, хотя откуда я знаю? Переборки позади, я рядом с дверью отсека шлюпов, она открыта.

Я бросился внутрь.

Меня мутит, я задыхаюсь. Мимо проплыл труп с изуродованным декомпрессией лицом и вылезшими из орбит глазами, перед ним протекло облако капелек крови. Я не понимаю, почему еще жив.

Снова толчок, меня бросило к стене, слышен скрежет. Значит, еще есть воздух, если проходит звуковая волна. Корабль раскалывается пополам. Я этого не вижу и не чувствую — я знаю.

Передо мной шкаф с распахнутыми дверцами. Рядом кружатся и уплывают по коридору несколько скафандров.

Последним усилием мне удалось поймать один. Уже в полузабытье я влез в него и смог надеть шлем. Кислород есть — наконец-то вдыхаю полной грудью.

Осталось спуститься к челнокам. Я оттолкнулся руками от лестницы запасного выхода.

Вот они! Точнее он. Остался один челнок, остальные серебристыми игрушками падают вниз в чудовищный разлом в брюхе линкора. А над разломом вертится человек в скафандре, и его утягивает за кораблями. Мне легче, здесь уже почти нет воздуха, а значит, нет и того чудовищного вихря, что утащил в космос десантные корабли и того несчастного.

Вдоль стены отсека алеет размашистая надпись: «RAT» — Республиканская Армия Тессы.

Я держусь, добираюсь до челнока и забираюсь в кабину. Она пуста, но на панели управления горит зеленый огонек автопилота. Значит, выставлены координаты. Слава Создателю! Без устройства связи я не могу управлять кораблем.

Опускаю стекло кабины, автопилот должен на это среагировать. Стекло кажется серебряным от заполнившего кабину сияния. Словно зеркало. Я вижу отражение в потолке кабины: человек в белом скафандре полулежит в кресле пилота.

Челнок мягко трогается с места и летит в провал. Если мы далеко от обитаемой планеты — это все равно смерть. В челноке я не продержусь больше суток.

Мы в открытом космосе. Челнок поворачивает, повинуясь командам автопилота, и я вижу линкор «Святая Екатерина» медленно разламывающийся пополам с оплавленными и почерневшими краями разлома.

Снова провал. Насколько не знаю, но я точно терял сознание.

Полнеба занимает планета вполне живого бело-голубого цвета. Не Светлояр и не Кратос. Теперь осталось немного: не сгореть в атмосфере и не упасть в океан.

На панели управления мигает желтый сигнал запроса. Значит, нас заметили и жаждут выяснить, кто мы и, возможно, подкорректировать курс. Но без кольца связи я не могу ответить. Он и мигает потому, что молчу. Автопилот мог бы справиться сам. Но корабль военный. Вдруг это разведывательная миссия? Ему нужно позволение пилота на ответ. Но и его я не могу дать. Я бессилен, как собачка Лайка.

Дай-то Бог, чтобы не сбили!

Меня стремительно несет в закат. Но нет, я не падаю и не горю. Движение замедляется, под нами лесистые горы. Плохо! Слава Богу, автопилот понимает это не хуже меня. Ищет подходящее место.

Горное озеро с багровой от заката водой. Я еще успеваю подумать, что это наверняка бывший кратер вулкана, прежде чем за бортом поднимается фонтан алых брызг, и корабль выносит на песок. По борту скрежещет черная прибрежная скала, челнок разворачивает и ставит на крыло, оно ломается, машина переворачивается, и я повисаю на ремнях.

Тишина. Неподвижность. Но не стоит обманываться. С трудом выбираюсь из кабины.

Что-то с ногой. Перелом? Вывих? Наступать чудовищно больно. Мутит. Биомодераторы должны помочь, но им нужно время. Лучше всего отлежаться, но я не могу оставаться рядом с челноком, его будут искать.

Отползаю за скалу. И вовремя. Раздается взрыв, над черным камнем поднимается оранжевое пламя, пахнет гарью.

На фоне заката в горах виден силуэт здания. Один не выживу. Значит, мне туда. Сдираю тяжелый скафандр и остаюсь в рубашке.

Идти вверх невероятно трудно и, временами, я начинаю ползти. В тело впиваются то ли черви, то ли мелкие пресмыкающиеся, то ли пиявки. Их легко смахнуть, но боль все сильнее. Надеюсь, они не смертельно ядовиты, и биомодераторы залатают следы от укусов, а яд будет отфильтрован и обезврежен. Можно бы отлежаться в лесу, но он слишком враждебен.

Становится темнее. Я на площадке с неведомым строением. Не могу поднять головы, чувствую под ладонями теплый камень ступеней и теряю сознание.

3. Скит

Я очнулся на белом каменном полу, скупо освещенным колеблющимся светом. Попытался сесть, голова закружилась, перед глазами поплыла золотая решетка, и за ней возвышение со скульптурой. Вращение остановилось, и я смог рассмотреть обнаженную по пояс куклу высотой с взрослого человека. Кукла сидела в позе лотоса и имела четыре руки: в одной руке — трезубец, на другой раскрытой — горит огонь, третья повернута к зрителю в жесте благословения. На ладони — символ «Ом». Четвертая держит маленький барабан. На груди — ожерелье из черепов. Шива.

Голова снова закружилась, и я упал на руку. На запястье нет блокировочного браслета. Я вспомнил, как он расплавился и стек с моего запястья. Мрамор стал мягким и вдавился под пальцами, словно воск.

Меня подташнивает. Хочется выйти на воздух, и чем скорее, тем лучше, но подняться я не в состоянии. Густо пахнет индийскими благовониями, отчего становится еще хуже.

Справа от решетки что-то скрипнуло. Я с трудом повернул голову. Там открылась дверь, обычная деревянная, и в зал вышел бритый молодой человек вполне европейской наружности. На белокожее тело намотана индийского стиля простыня, именуемая, кажется, «дхоти». Неоиндуисты? Традиционные не принимают европейцев в свои ряды и до сих пор не покидают Индии, что на Старой Земле.

— Кто вы? — удивленно спросил он. — Что вы делаете в храме?

Говорит на языке Кратоса, но с легким акцентом, пока не понимаю каким.

Я протянул к нему руку.

— Помогите встать. Мне нужно на воздух.

Он подбежал, присел рядом, наверное, я выгляжу очень хреново. Закинул мою руку себе на шею. И тут я запоздало испугался, что его одежда вспыхнет, и кожа задымится под моими пальцами. Попытался освободиться.

— Что с вами? — спросил он. — Все в порядке. Попробуйте встать.

Нет. Ни пламени, ни дыма, ни запаха паленого мяса. Ну и, слава Богу! Прекратилось? Или вообще почудилось?

Мы вышли из храма. Сумерки. Рядом шумит лес.

— Туда, ради Бога! — прошептал я.

Меня вырвало у подножия вековых деревьев, и мне стало легче.

— Где мы? — с трудом спросил я.

— На Земле. Храм Шивы-Натараджи.

Я поднял голову. Слишком темно, чтобы в деталях рассмотреть стволы и листья, но еще достаточно светло, чтобы понять, что к Старой Земле они не имеют никакого отношения.

Выпрямился, посмотрел вверх: в небе сияют незнакомые звезды.

— На Земле, говорите?

— Конечно, это Шамбала, — он пожал плечами так, словно ничего нет естественнее жизни в Шамбале на Старой Земле.

Но меня это навело на некоторые размышления. Эх! Была бы связь! Я бы выяснил все за считанные секунды.

— У вас есть устройство связи?

— Что?

— Устройство связи, — повторил я несколько раздраженно.

— А что это?

Я промолчал. Кажется, мои предположения оправдывались.

— Как вас зовут?

— Бхишма.

Наверняка «Борька», подумал я.

— Дан… — начал я и тут же сообразил, что этим именем лучше не называться. — Дмитрий.

Я протянул ему руку. Он пожал вполне родным жестом, не имеющим отношения ни к каким индусам. Кажется, не обжегся.

Храм стоит на вершине невысокой лесистой горы. Перед входом — лужайка с травой и цветами. Легкий ветер доносит сладкий аромат. Прямо напротив дверей — огромный постамент, на нем — мраморная статуя танцующего Шивы. За ней практически ничего не видно — только угадывается спуск в широкую долину и вершины соседних гор.

Многочисленные конечности Шивы смазываются и текут, я хватаюсь за руку Бхишмы.

— Пойдемте, вам надо отдохнуть, — говорит он.

Поднимаю голову. Вроде нормально, контуры обрели четкость, не тошнит.

— Пойдемте.

При храме есть помещение для монахов, что-то вроде маленького монастыря. Кроме Бхишмы я насчитал еще восемь человек. Среди них одна женщина. Тонкие черты лица, русые волосы, заплетенные в толстую косу. Одета в сари, синее в мелких белых цветочках, на руке — широкий браслет. Жена пуджари. Я сижу за золотистым деревянным столом трапезной, и меня поят чаем, вполне привычным, черным, но пахнущим лимоном и травами. Терпеть не могу портить благородный напиток лишними ингредиентами, но сейчас это бодрит и помогает прийти в себя, так что я не в обиде.

Я обратил внимание на их руки. У каждого кольцо, обыкновенное железное, с символом «Ом». Неужели обычные, без устройства связи? Сейчас такие делают?

Меня расспрашивает собрат Бхишмы. Он старше, суше и выше ростом, завернут в поросячьего цвета простыню, конец ее перекинут через плечо. Зовут Вирата. Бхишма сидит рядом с ним и странно смотрит на меня. Он очень бледнокож, так что среднестатистический европеец Вирата кажется по сравнению с ним знойным испанцем. Цвет волос неизвестен, поскольку голова чисто выбрита, но подозреваю, что светлый. Наверняка выходец с Дарта. Лишь дартианское холодное солнце способно выращивать настолько бледнолицых.

Я рассказываю о катастрофе, не вдаваясь в лишние подробности.

— Не знаю, что случилось. Корабль, словно переломился пополам, и в разлом я увидел звезды.

— Вы плыли в трюме? — удивился Бхишма.

— Разве рядом есть море? — спросил Вирата.

— Космический корабль, — пояснил я.

— Какой? — разом поразились они.

Я не был уверен, что стоит пытаться объяснить.

— Тот, который летает среди звезд, — устало сказал я.

Они переглянулись и сочувственно посмотрели на меня.

— Вам надо поспать, — заботливо сказал Вирата. — Завтра проснетесь, и все встанет на свои места.

— Совершенно не понимаю, как к вам попал, — сдался я. — Думаю, был спасен милостью Господа Шивы.

Мои собеседники заулыбались: ну, наконец-то я рассуждал здраво.

— А вы не заметили ничего необычного перед моим появлением? — поинтересовался я.

— Накануне была Шиваратри, великая ночь Шивы. Всю ночь мы молились, пели гимны во славу Господа Шивы и жгли огни. Праздник закончился в четыре утра, а через час была первая пуджа. Днем часть монахов ушла на ярмарку и праздник в деревне. Ниже есть деревня,

где живут вайшьи, они дают нам для освящения фрукты и молоко. Когда они вернулись в храм, мы обмыли и одели мурти Господа Шивы, была шестая пуджа, поднесли ему плоды. Вы кушайте. Прасад.

Предрассудками я не обременен. Похожий на банан зеленоватый фрукт оказался много сочнее и кислее земного аналога. Прасад так прасад.

— А дальше? — спросил я.

— Ушли в трапезную. Храм остался пуст. Потом Бхишма услышал стон, вернулся в храм и нашел вас.

Я проснулся до рассвета. Из окна, не застекленного, завешенного крупной сеткой, в маленькую келью втекал прохладный утренний воздух, и доносились лесные голоса. В последних чудилась тревога. Слишком они другие: ни пение птиц на Земле, ни щебетание их же на терроформированном Кратосе, ни свист и переливы фауны на открытой мною планете.

Нога почти не беспокоила. Видимо, было растяжение, по крайней мере, ничего серьезного.

Я встал, неумело намотал желтую индийскую простыню, выданную монахами взамен вконец изодранной и прожженной военной формы, и вышел из храма.

За танцующим Шивой вставало солнце: руки и железные пряди волос истончались и таяли в его огне. Абсолютно черный силуэт индийского бога на фоне золотого неба казался провалом во тьму, а над ним алели и текли облака.

Я обошел пьедестал. Когда солнце поднялось выше, смог рассмотреть долину. Там раскинулся город.

— Намашивайя! — приветствовал меня Вирата.

— Доброе утро! — ответил я.

— Как спали?

— Отлично, спасибо. А что там за город?

— Калапа. Столица Шамбалы.

Я посмотрел внимательнее. Слишком далеко, чтобы оценить размеры и архитектуру строений. Что это за белые башни? Небоскребы или дворцы древнего царя?

Калапа… Калапа… Невозможно помнить тысячи городов империи. Впрочем, что-то знакомое. И не только по мифологии. Крупные города и космодромы выучить вполне реально. Если так — мне повезло. Я понял, где я. Но это не объясняет и половины того, что произошло.

— Как туда попасть? — спросил я.

— День пути. Лучше всего спуститься в деревню и найти проводника.

— Проводите до деревни?

— Конечно.

Деревня состоит из одно-двухэтажных домов с побеленными стенами. Вокруг каждого дома — веранда с деревянными колоннами. На склонах горы — плантации темно-зеленых кустов, наверное, чай. Жарко. Солнце палит, как в настоящей Индии.

Крестьянин, вышедший к нам навстречу, смотрит на меня подозрительно. Средних лет мужик, одет по-индийски, в странного вида штаны и длинную белую рубаху. На пальце кольцо, серебристое, широкое, без всяких надписей. Он тоже смотрит на мои руки, еще подозрительнее, чем на физиономию.

— Что ж, — говорит. — В город проводить можно.

И протягивает мне руку:

— Шивадаса.

Я медлю. Как я так бестрепетно пожал руку Бхишме, то ли был не в себе, то ли поверил в отсутствие у него устройства связи?

Биомодераторы могут передавать слабые сигналы, которые при телесном контакте воспринимает устройство связи того, кого приветствуешь — рукопожатия достаточно. Если кольцо на руке этого крестьянина не просто кольцо, биомодераторы сообщат мой генетический код. По нему можно послать запрос в банк данных, там наверняка уже есть информация о государственном преступнике Данииле Данине, которого разыскивает Служба Безопасности Кратоса.

Но если я не пожму ему руку — это вызовет не меньше подозрений.

Ладно, пан или пропал!

И я вложил руку в широкую крестьянскую ладонь, едва обхватив ее.

— Дмитрий.

На лице Шивадасы отразилось удивление, сменившееся недоумением.

— Что случилось? — спросил Вирата.

— Ничего… да… провожу в город.

Я купил у Шивадасы одежду, белые холщевые штаны и такую же белую рубаху, пообещав расплатиться в Калапе. Он не возражал, но смотрел озадаченно. Через пару часов, не меньше, мы двинулись в путь. К вечеру дойдем, заверил крестьянин.

Прошло не больше часа, когда мой проводник предложил сделать привал. Я удивился.

— Почему так рано?

— Разговор есть, — пояснил он.

Сердце кольнуло.

Место для привала насиженное. Тропа вывела к кострищу и бревнам вокруг него. Рядом течет горный ручей. Шивадаса набрал воды в закопченный котелок и поставил чай. Сел напротив, помедлил, не зная с чего начать.

— Слушай, меня по-нормальному Шурой зовут.

Я улыбнулся:

— Очень приятно.

— Так, мужик, — осмелел он. — Дмитрий, говоришь? Ну, хрен с тобой, Дмитрий. Ты мне объясни, где твое блокировочное кольцо?

Я на минуту задумался.

— Как у монахов? С символом «Ом»?

— Ну да, с загогулиной.

— Я не монах.

— Понятно, что не монах… Я думал, паломник.

— Да вроде того. Заблудился в лесу, чуть не погиб, монахи подобрали.

— Мудрено здесь погибнуть, — сказал мужик. — Ну ладно, не хочешь — не говори.

— Слушай, Шура, а почему блокировочное? — решился спросить я.

Он чуть рот не раскрыл.

— Ты что с луны свалился?

— Ну, допустим, свалился. Так почему?

— Потому что монахи, которые здесь живут, желают пребывать в древней Шамбале, а не в Кратос Анастасис, испорченной гребаной современной цивилизацией. Как только новый монах или паломник прилетает на Скит, — я, наконец, услышал название планеты, и понял, что угадал, — он идет в Общий Центр Изменения Сознания и делает заявку. Его привозят на вертолете в один из местных центров, где внушают, что он в Шамбале, на островах блаженных, в древнем Китае, на Афоне или где он там хочет. А никакого Кратоса нет и никогда не было. Он папу с мамой забывает, не то, что Кратос. В случае Шамбалы его приводят сюда, на это самое место, и сотрудник центра, одетый как древний индус, надевает ему кольцо, и он жизнь свою забывает, а вспоминает другую, словно с рождения здесь жил, и нет ни Сети, ни биомоде-

раторов, ни устройств связи. Для паломников блокировка действует на время паломничества, для монахов — всегда.

— И нет пути назад?

— Ну, почему? Кольцо можно снять. Но это должен сделать кто-то другой. Нежелание снимать кольцо — часть внушения. Чтобы не произошло случайной разблокировки.

— Значит, у них действительно нет устройств связи? — спросил я.

— Нет. Кстати, а почему его нет у тебя?

— Потерял.

— Ладно, не мое дело.

Он замялся:

— Слушай, мужик, а ты не призрак?

— Призрак?

— У тебя биомодераторы молчат.

Центр Изменения Сознания западного сектора Шамбалы представляет собой небольшой двухэтажный дом. Крыша украшена антеннами всех видов: здесь и радужный кристалл быстрой связи, и белая тарелка медленной. Одна стена дома — из тонированного стекла, сияет зеленоватым зеркалом. За домом — вертолетная площадка. Отсюда до храма Шивы — часа полтора ходьбы спокойным шагом, от храма до Центра — две с половиной тысячи лет развития цивилизации.

В дверях нас встретил директор Центра, темноволосый, поджарый. Лет сорок с небольшим. Впрочем, в наше время трудно оценить возраст, на сколько человек выглядит, больше зависит от степени изменений генома и качества биомодераторов, чем от количества лет. Ошибка может составлять более ста лет в ту и другую сторону.

Он кивнул моему проводнику.

— Нам нужно в город, — сказал Шура.

— Хорошо, — улыбнулся директор и кивнул в сторону вертолетов.

— Вы проводите меня до Калапы? — тихо спросил я у своего провожатого.

Это некоторая наглость, он и так много сделал, но, если биомодераторы молчат, я не смогу управлять вертолетом. Вообще ничем. Все бортовые компьютеры реагируют на сигналы биомодераторов, передаваемые через устройство связи. И расплатиться тоже не смогу, потому что без биомодераторов и устройства связи не могу управлять счетом. Я усмехнулся. Впрочем, он наверняка заблокирован.

— Идем, — сказал Шивадаса.

— Я сейчас не могу заплатить, — сказал я. — В городе попытаюсь достать деньги.

— Ничего, потом посчитаемся.

— Стойте! — услышал я, когда мы подошли к вертолету, и Шура уже открыл дверь.

К нам шел Бхишма. Все в том же индийском наряде и сандалиях, не обращая никакого внимания на современное здание Центра и тот летательный аппарат, в который мы собирались сесть — он видит только меня.

Подошел, сложил руки, поклонился.

— Господин… Дмитрий, могу я сопровождать вас?

Смотрит также странно, как за чаем в монастыре.

— Что случилось? — спросил я.

— Когда я нашел вас, я увидел сияние возле ваших пальцев. Это знак, вы отмечены Господом Шивой. Братья не поверили мне. И я не смог ничего доказать, хотя вашего появления в храме, кажется, достаточно, чтобы в это поверить. Но я-то знаю. Я хочу следовать за вами.

— Хорошо, — кивнул я. — Но с одним условием.

— Я приму любые условия, — смотрит так, словно я мурти обожаемого божества, если не сам Натараджа.

— Снимите кольцо.

— Но это знак преданности Господу Шиве!

— Я его не отбираю. Просто снимите. Сами решите, что с ним делать.

Он попытался снять кольцо, но оно не поддалось.

— Дайте руку, — сказал я.

Он послушался, и я легко снял кольцо.

Бхишма огляделся с выражением человека, который долго спал, и вдруг проснулся в совершенно неожиданном месте.

— Центр Изменения Сознания, — прошептал он.

— Именно, — сказал я. — Сколько времени вы прожили в монастыре?

— Кажется… три года.

— Ну что? Летите с нами?

— Да, — твердо сказал он. — Только в Центре остались мои вещи. Вы подождете меня?

— Сколько это может занять времени?

— Не больше часа, — ответил за него Шивадаса.

Мы остались вдвоем возле вертолета.

— Почему вы мне помогаете? — спросил я.

— Давай на «ты», а?

— Без проблем.

— Знаешь, я же не просто так здесь живу. Да, конечно, дело выгодное, ферма большая и Вселенский Союз Бхактов Шивы доплачивает. Но и сама религия мне нравиться. Красиво. Огни, гирлянды из цветов, песни, танцы. И мрачновато иногда: черепа, погребальный пепел. Но тоже необычно. Православие-то наше надоело до смерти. Так что в Шиву я верю, может, не меньше их. А ты отмечен, факт. Уж не знаю, с какого бока ты нужен Господу и как с ним связан, но вы связаны — тут уж ничего не попишешь. Говорят, тебя в храме нашли? Прямо у ног мурти?

— Да.

— Ну вот. И биомодераторов у тебя нет. Как так может быть, чтобы человек был жив, а его биомодераторы умерли? Обычно наоборот бывает. Человек уж мертвее мертвого, обгорел весь или что еще случилось, а биомодераторы все пытаются что-то сделать.

— Вышли из строя. Я попал в аварию.

— Вот-вот. И очнулся в храме?

— Мне удалось бежать с гибнущего корабля.

— И кому еще удалось?

— Не знаю.

Я подумал о кровавой надписи «RAT» на стене отсека, им-то наверняка удалось. Только мне не стоит так явно намекать на линкор «Святая Екатерина».

— В общем, так, — резюмировал он, — наше дело тебе помощь оказывать, кормить, одевать и отвозить, куда скажешь.

Бхишма явился в той же индийской простыне (я в тайне надеялся на нормальную одежду). Новым в его облике была здоровая оранжевая сумка через плечо, украшенная красной «загогулиной». Знак «Ом» был окружен золотистым сиянием. По сравнению с грузом монах казался совсем щуплым и напоминал Дон Кихота, взвалившего на себя раненого Санчо Пансу. Я подумал, что такую колоритную личность (а заодно и его спутников) не заметит только самый ленивый сотрудник СБК.

Вертолет плавно поднялся в воздух, и зеленый склон горы рывком ушел вниз, меня слегка вжало в кресло. Под нами поплыли леса, разрезанные руслами горных речушек, и темные пятна плантаций чая.

В городе, надо заработать хоть немного денег. Задача не такая тривиальная. О приличной работе можно и не мечтать: без биомодераторов я не смогу управлять простейшим устройством, к тому же на приличную не возьмут, не проверив данные. А значит, работа должна быть самая простая: грузить, таскать, дрова рубить. Если здесь не все механизировано. Деньги пусть идут на счет к Бхишме. Если он у него есть.

— Бхишма, — позвал я.

Он повернул ко мне голову.

— Я слышал, монахи перед отречением от мира передают счета в распоряжение Церкви, — сказал я. — Это так?

— Не совсем. По закону о защите свободы личности, должен остаться страховочный счет, чтобы человек мог без проблем вернуться. Но он маленький.

— Понятно. У тебя он есть?

— Конечно. И он в вашем распоряжении.

— Спасибо, — поблагодарил я, не уточняя, что собираюсь перечислять туда деньги, а не снимать.

Так, что дальше? А дальше придется искать выходы на местный криминалитет и делать себе ложную личность. То бишь вводить в кровь биомодераторы, запрограммированные на ложный сигнал. И делать это надо в любом случае, даже если Шура ошибся, и мои биомодераторы в порядке. Кстати, надо купить устройство связи, без него никуда.

Ложная личность — дело опасное. И не только юридическими последствиями. Последние — еще ладно. Хуже, что биомодераторы-обманщики неизвестно в каком подвале и на каком хреновом оборудовании делают, и о том, что они сотворят с твоим организмом, и сколько ты после этого проживешь, остается лишь гадать. Но иного выхода нет. Если я хочу восстановить доброе имя — это лучше делать на свободе, здесь побольше возможностей разузнать, что за мразь меня оклеветала.

Город стремительно приближался. Уже можно было разглядеть башни небоскребов, дуги подвесных дорог и вертолеты в небе. За городом — огромное пустое пространство, окруженное строениями с гигантскими антеннами связи. Я догадывался, что это.

— Космодром? — спрашиваю Шивадасу.

— Да.

Значит, с криминалитетом проблем не будет. Чтобы в портовом городе и не было преступного сообщества? Я, правда, еще не придумал, чем буду расплачиваться.

— В городе есть какая-нибудь черная работа? — спросил я Шуру.

— Есть в религиозных центрах. Там, где считают грехом пользоваться роботами.

— А почему это грех?

— Потому что богу должны работать люди, а не хрен знает кто!

Похоже, Шивадаса вполне разделял эти взгляды.

— Я тебя порекомендую в Общество Бхактов Шивы, — добавил он.

— Заранее благодарен.

— Только вначале надо будет принять участие в пудже.

— Без проблем.

На поле космодрома несколько кораблей. Судя по типу и размерам — торговцы и транспортники. Последние, очевидно, возят паломников.

В небе, над цепью далеких гор, по другую сторону долины, я заметил несколько черных точек. Они стремительно увеличиваются в размерах, превращаясь в челноки имперских вооруженных сил. Штук десять. Сердце заныло. «Уймись!» — сказал я ему. Возвратиться в горы и

ждать, когда меня отыщут и поймают, как кролика? Нет уж! Предпочитаю идти навстречу. Не дамся — не ждите! Ускользну из-под носа.

4. Казино

Публика в городе настолько разношерстная и странная, что мы ничуть не выделяемся на ее фоне: черные православные монахи, монашки в бело-синих одеждах и широкополых белых шляпах, оранжевые бритые буддисты, весьма похожие на них индуисты, полуголые аскеты с расписанными телами и черные сторонники культа Вуду. И, кроме того, вполне нормальная деловая публика в сапогах или туфлях на модных широких каблуках, в узких облегающих штанах, дорогих камзолах и с косичками по столичной моде.

Я — не упертый атеист. В юности потратил некоторое время на то, что одни называют духовными поисками, а другие эскапизмом. Не считаю это время потерянным, а ритуалы бессмысленными. В каждом храме, куда заносила судьба (а метался я от буддистов до баптистов), я чувствовал прикосновение некоего вселенского покоя. Не уверен, что Он имеет отношение к догмам какой-либо религии, не знаю, обладает ли личностью и сознанием, но с чем-то все эти попы, раввины, бонзы и пуджари устанавливают связь.

Местный брахман имел бронзовый оттенок кожи и правильные черты лица, я даже заподозрил, что у него на самом деле есть индийские корни. Правда, вряд ли брахманские. Скорее он напоминал веселого белозубого сикха.

Я рассказал ему почти правду. Про катастрофу корабля, про бегство и восхождение к храму Натараджи.

— Да, — сказал он. — Вчера было сообщение о пропаже линкора «Святая Екатерина». На нем летели?

— Да, — ответил я, понимая, как рискую. По этой информации меня вполне можно вычислить. — Я солдат.

— Вы аристократ, — заметил пуджари. — Это невозможно скрыть, молодой человек.

— Я офицер. Офицер не менее солдат.

Он кивнул.

Я был благодарен шиваитам за возможность принять душ после жаркого дня и чистую одежду, несмотря на то, что это была очередная белая простыня, хитрым образом обматываемая вокруг тела и называемая «дхоти». Дело здесь не в доброте неоиндуистов — просто участвовать в богослужении надо чистым.

У входа в храм на этот раз не Шива Натараджа, а украшенный цветочными гирляндами Шива Лингам. Между прочим, весьма натуралистичный. В храме пахнет ладаном, сандалом и розовой водой, которую подносят Шиве вместе с фруктами и цветами.

Шиваиты трубят в раковины, ревут деревянные трубы, гремят продолговатые барабаны, разносится звон храмовых колоколов. Пуджари взывает к богу и молит вселиться в мурти, принять подношения и услышать молитвы. Образ Шивы здесь почти такой же, как в горном храме. Объект почитания обнажен по пояс, голубоватый оттенок кожи свидетельствует о божественном статусе, на шее висит кобра: подняла голову и смотрит сосредоточенно, как погруженный в медитацию хозяин. Адепты идут по кругу, пританцовывая перед своим богом. В центре на золотом блюде горит камфорное масло. Молящиеся поочередно касаются огня кончиками пальцев и прикладывают их ко лбу. Тоже вношу руку в пламя, возле пальцев струится голубое сияние. Касаюсь лба, и все меняется. Я чувствую Вселенную, миллионы звезд, миллиарды планет и крохотный кусочек галактики, именуемый Кратос Анастасис, Воскрешенной Империей. И этому клочку реальности грозит опасность.

Там внизу, в маленьком храме на маленькой планете, стою я: застывший, силуэт, окруженный сиянием. На меня ошарашено смотрит Бхишма. Я вижу это со стороны и одновременно чувствую взгляд.

Делаю над собой неимоверное усилие, останавливаю танец и кружение звезд, они отделяются от меня, а я падаю в свое тело. И сияние гаснет.

— О Господи! — шепчет Бхишма.

И тут же поправляется:

— Намашивайя!

Смотрю на него выразительно: «Ради твоего Бога, не трепись!» Понятия не имею, что со мной происходит, и что это значит, больше всего хочется напиться и забыть, вытеснить из памяти к чертовой матери то, что я не в состоянии объяснить, и думать только о том, что мне необходимо заработать чуть-чуть денег, купить нормальную одежду и завести контакты в местном преступном мире, чтобы создать себе ложную личность и обманывать всех и вся, чтобы службисты не догадались. Чтобы выжить.

Гляжу на руки. Тонкие длинные пальцы, узкая ладонь скорее ученого, чем военного. Не ошибся пуджари. Во всех анкетах в пункте «происхождение» пишу «из университетской аристократии». Сияния больше нет. Обычные человеческие руки.

Бхишма не протрепался, молодец — шиваиты не пали передо мной ниц, и не предложили свои счета в полное распоряжение. Так что я смог трое суток к ряду спокойно таскать коробки с будущим прасадом плечом к плечу с Бхишмой, который, похоже, воспринимал мои действия как божественную игру, а свою работу как богослужение. Жили мы при храме.

— Я не Шива, — тихо говорю я, вытирая пот тыльной стороной кисти.

Он улыбается:

— Все Шива. Даже я Шива. Учитель Шанкарачарья как-то встретил нищего, идущего по берегу океана, и склонился перед ним, потому что увидел в нем Шиву.

— Ну, тем более, во мне нет ничего особенного.

— Есть, — упрямо сказал он. — У тебя сняты завесы: ни незнания, ни майи, ни кармы.

Тут уж пришла моя очередь усмехаться. С кармой у меня явные проблемы. Но я промолчал: нечего перекладывать их на плечи этого мальчика.

Расплатились с нами на удивление щедро. Я смог купить довольно скромную, но нормальную одежду. И убедил сделать то же и Бхишму. После недолгого сопротивления он согласился. Самым эффективным аргументом оказалась ссылка на мою божественную сущность:

— Шива я или не Шива? — усмехнулся я. — А Шива — так слушайся.

И послушался.

Черные узкие штаны, заправленные в высокие сапоги с острыми носами, белые рубахи без жабо и кружев, столь популярных в столице, зато куда более практичные и, главное, дешевые, короткие куртки вместо долгополых придворных костюмов. Я заплел волосы в косу и закрепил черным бантом умеренных размеров. Бхишма прошелся по поводу суетной прически, но этим и ограничился. Теперь мы могли сойти за мелких торговцев.

Мне предстояло вывести в мир бывшего монаха. Я чувствовал себя Петром Великим, отрезающим полы боярских кафтанов. Одежда, казалось бы, мишура, однако много значит для самоощущения. Петру нужно было сделать русских европейцами, у меня задачка попроще — всего лишь вернуть человека в общество: разлепить глаза, открыть уши и заставить дышать воздухом нашего века. Зачем? Мальчик мечтает о совершенстве. Но его не сможет достигнуть тот, кто добровольно ослеп и оглох. Я в это не верю. Ушедший от мира — ничего в мире не сделает.

Место, куда я собрался его вести, могло ужаснуть и менее добродетельного юношу. Я искал казино. Именно в таких местах можно встретить специалистов по сотворению ложных личностей, контрабандистов, мошенников и прочих аферистов всех мастей, занятий, вероисповеданий и цветов кожи.

В городе было полно военных: посты на каждом шагу. У дверей кафе и баров покуривают офицеры и веселые солдатики.

— Бхишма, узнай, что случилось, — попросил я.

Он послал запрос, это было видно по сосредоточенному выражению лица. Почему я как всеведущий бог не получил эту информацию непосредственно из космоса, Бхишма не спросил.

— Войска введены в связи с исчезновением линкора, — сказал он. — Подозревают террористический акт.

— Они что с армией собираются террористов ловить?

— Видимо, да. Здесь на орбите Третий Военно-космический флот.

— Так! Полностью?

— Закрытая информация.

— Понятно.

И тут ко мне вернулось ощущение, уже испытанное мною в храме. Ощущение Вселенной как части меня. И чувство опасности. Я видел корабли, медленно вращающиеся на орбите, и я почувствовал страх экипажей. Кажется, они сами плохо понимали суть опасности, был только страх, но он совершенно реален.

— Три линкора и пять кораблей сопровождения, — проговорил я. — Это не весь флот.

Бхишма вдруг дернул меня за рукав, я не прореагировал, ощущение такое, словно погрузился в холодный горный источник и не могу вынырнуть. Он обхватил мне предплечье двумя руками, застонал, но не отпустил.

Я стоял, и он не мог заставить меня покачнуться, не то, что сдвинуть с места.

Мне пришлось сделать чудовищное усилие, чтобы сбросить оцепенение: мы влетели в темную подворотню, и Бхишма прислонился к стене и сполз на асфальт. Откинул назад голову, прикрыл глаза и застонал. По щекам потекли слезы. Руки он положил на колени ладонями вверх, и они были обожжены так, что видны кости в ошметках окровавленного мяса. Он закусил губу, чтобы не кричать. На подбородок стекла капелька крови. Мимо подворотни прошел патруль десантников. Кажется, нас не заметили.

Его биомодераторы уже начали работу, иначе бы он потерял сознание. Правда, я не врач. Справятся ли? Они должны впрыснуть в кровь обезболивающее, но оно действует не мгновенно. Бхишму колотила дрожь, глаза закатывались и серели щеки.

И вдруг я совершенно четко понял, что надо делать. Мои ладони застыли над его руками, не касаясь, где-то в сантиметре. Под ними вспыхнуло сияние. Но оно изменилось, из голубоватого став зеленым. И пришло новое видение. Я увидел его биомодераторы, тучу мельчайших существ, напоминающих то ли насекомых, то ли амеб с сотнями щупалец. Приказал им двигаться быстрее, дал энергию, и они закружились в вихре с немыслимой скоростью, восстанавливая мышечную ткань, строя кровеносные сосуды и нервы, латая кожу.

Бхишма задышал спокойнее, открыл глаза. Я заметил, что они голубые, с пушистыми юношескими ресницами. На щеки возвращался румянец. Губы дрогнули, и он произнес:

— Я увидел патруль, а вы весь светились. Как облако света.

— Да, — сказал я. — Они прошли.

Я медленно отнял руки. На ладонях Бхишмы ни царапины, только сложный узор линий, по которым некоторые умельцы до сих пор берутся гадать.

— Не больно?

— Нет. Благодарю… господин.

Я впервые слышал от него это обращение.

— Не моя заслуга. Я только немного помог биомодераторам.

— Биомодераторы не работают так быстро.

— Почему ты так думаешь?

— Я врач, — ответил он. — Точнее учился на врача, пока не решил стать монахом. Вы спасли мне жизнь.

— Не преувеличивай и будь справедливым. Я чуть ее не отнял.

— Вы тут не причем, мой господин.

Он в упор смотрит на мою левую руку. Я повернул голову. Там, где он держал меня, прожжена одежда: и куртка, и рубашка. Под ней совершенно здоровая кожа без намека на ожоги. Зато ткань висит кусками с черным неровным краем.

— А, черт!

До чего же досадно! Где теперь новую взять, денег не хватило даже на устройство связи!

Еще не угасшее в пальцах зеленое сияние ползет вверх по руке, приобретает красноватый оттенок, окутывает прожженный участок, сливается с тканью. И она зарастает и восстанавливается, не хуже живой кожи.

— Мой господин… — улыбнулся Бхишма. — Я не ошибся в вас.

— Можно просто «Дмитрий», — заметил я.

— Дмитрий? Намашивайя!

Я вздохнул. Видимо, если я не хочу каждый раз и притом публично слышать в свой адрес призвание бога Шивы, мне придется смириться с «моим господином», хотя бы наедине.

— Дмитрий, — жестко сказал я. — И никак иначе.

— Да. Хорошо, мой господин. Дмитрий, — обреченно сказал он.

Я направился, было к выходу, но вспомнил еще об одном.

— Бхишма, пока мы здесь… во избежание. Посмотри еще одну вещь.

— Да?

— Почему были введены войска на Светлояр?

— Закрытая информация.

Я почувствовал прикосновение холода, но навалилась чудовищная усталость, и я понял, что не сейчас, не дотянусь, я вычерпан и выжат.

— Ладно, — сказал я. — Потом. Как ты?

Стоит ли тащить его в «вертеп разврата»?

— Отлично.

Он выпрямился рядом со мной. Всего на полголовы ниже, но все равно высок.

— Тогда пошли, — вздохнул я.

Казино мы нашли в районе, ближайшем к космопорту, чего собственно и следовало ожидать. Название по-провинциальному пышное и безвкусное «Благословение Фортуны». Швейцар посмотрел на нас презрительно, но под красно-золотую рекламу пустил и дверь распахнул.

В зале шумно и людно. Мы миновали игральные автоматы. Здесь каждый играет сам с собой и контакта не установить. Рулетка или карты — то, что нам нужно. Я попросил моего спутника купить фишки. Немного, но без этого нельзя. Иначе попросят выйти вон, да и вызовет подозрения.

Сел за стол. Бхишма встал за спиною. Я не поставил немедленно. Решил присмотреться. По кругу побежал шарик. В основном меня интересовал не он, а люди вокруг стола. Полубезумные глаза, сосредоточенные лица. Наркоманы от игры.

Я почувствовал дуновение вселенского холода. И их души, как часть своей души. Нет! Не здесь не сейчас! Еще не хватало сжечь им зеленое сукно. Сделал над собой усилие, сжал зубы и загнал это внутрь. Серебристое сияние, уже зарождавшееся у кончиков пальцев, нехотя втянулось обратно. Если бы я мог управлять этой силой!

Кажется, никто не заметил. Взгляды прикованы к шарику. Я с удивлением обнаружил, что он до сих пор несется по кругу. Перед глазами всплыла картинка: шарик на цифре двадцать один, красное. Я спрятал пальцы в ладонях, сжал руки в кулаки — только бы никто не заметил сияния. Шарик замедлил движение, остановился было на цифре девятнадцать, но прыгнул вперед.

— Двадцать один, красное, — объявил крупье.

Следующий номер я угадал секунд за пять до конца вращения рулетки. Посмотрел на руки. Возле пальцев очень слабое синеватое свечение. Зеленое сукно цело, слава Богу!

Шарик снова полетел по кругу.

— Делайте ставки, — сказал крупье.

Перед глазами всплыло черное, пятнадцать. И я поставил.

— Пятнадцать, черное, — объявил крупье.

Я сгреб выигранные фишки.

Выиграл еще три раза подряд, так что крупье заволновался. Чтобы немного успокоить его в следующий раз специально проиграл. Но немного, так что это почти не отразилось на наших с Бхишмой доходах.

Поставил снова, гора фишек росла. Ладно, надо и честь знать. Сгреб их и перешел к другому столу. Разделил фишки, половину отдал моему спутнику.

— Обменяй на деньги. Пусть перечислят на твой счет. И еще…

Я написал на бумажке номер.

— Это счет того крестьянина, Шивадасы. Он одолжил мне одежду и не потребовал денег. Перечисли ему втрое. И пожертвуй на храм. На оба. Что бы я без них делал! Будь щедр. Иди!

Он кивнул.

— Да… Дмитрий.

А я сел за стол и поставил еще.

Я бы, наверное, закрыл казино, если бы за столом не появился еще один персонаж, и я не пропустил ставку.

Персонаж женского пола. Короткая стрижка в стиле «модерн», золотистые волосы уложены один к одному, концы загнуты к щекам. Глаза серые, большие, смотрят насмешливо, на губах играет улыбка, то ли претендующая на некое сокровенное знание, то ли означающая насмешку над мелкими человеческими страстями. Одета по-мужски, в красный бархатный камзол и атласную блузу с жабо такой пышности, которую может позволить себе только женщина. В руках трость темного лакированного дерева. Она не может быть оружием. Оружие конфискуют при входе. Но кажется, что этой даме для полной законченности образа не хватает двух пистолетов за поясом.

Дама вынула из кармана камзола золотой портсигар, извлекла толстую сигару и закурила. Точно такие мужские сигары курила моя мать, нимало не опасаясь шокировать университетскую общественность. Кому, какое дело, что курит профессор Данина?

Я пропустил еще одну ставку. Она, наконец, изволила заметить мой интерес и снизошла до взгляда. Посмотрела внимательно, оценивающе. Равнодушно скользнула по небогатой одежде, задержалась на куче фишек, глянула в лицо. Я поймал ее взгляд. Приподняла брови: «Ах, вот как!» И улыбнулась.

— Вам сегодня везет, молодой человек, — заметила она.

Голос был бы ангельским, если бы не сигары. Ну и ладно. Зато видно, что предо мною земное существо.

— Поставьте мне на счастье, — улыбнулась она и кинула мне пару фишек.

Я поставил и выиграл.

— А теперь вы!

И отделил от своей кучи большую часть и подвинул к ней.

Тот же жест: чуть приподняла брови и качнула головой.

— Не боитесь, что проиграю?

— Лучше проиграть с такой очаровательной женщиной, чем выиграть одному, — улыбнулся я.

Она дождалась, пока раскрутится рулетка, и поставила. Шарик упал точно на названный номер.

Еще дважды мы ставили по очереди, и я заподозрил, что она тоже видит выигрышные номера.

Она сгребла подросшую кучку фишек и встала из-за стола. Бросила мне приглашающий взгляд. Я собрал свои и направился за ней к кассе.

Там ждал Бхишма. Я вручил ему фишки.

— Пусть зачислят на твой счет.

Он кивнул. Даже не удивился новому выигрышу.

Ревниво взглянул на мою спутницу.

Я подождал, пока она поменяет фишки. Спросил:

— Могу я вас проводить?

Она ответила той же полуулыбкой и слегка наклонила голову.

— Бхишма, — сказал я. — Сними нам номер в гостинице при космопорте. Ключ оставишь у портье.

— Да, господин… Дмитрий.

— Кто он вам, Дмитрий? — спросила она дорогой.

— Он мой бхакт, — усмехнулся я.

— Вы что, индуист? Никогда бы не подумала!

— Нет, это он индуист, — заметил я.

— Ладно, не принципиально. Счета нет или заблокирован?

Последнего вопроса я не ожидал.

— Ты по адресу, по адресу, — успокоила она.

— Думаю, что заблокирован. Не рисковал проверять.

— Понятно. Ложная личность нужна?

— Да.

— Устроим, — сказала она.

Мы уже стояли перед входом в ту самую гостиницу, куда я послал Бхишму. Стеклянные двери разъехались в стороны. Охранник окинул нас взглядом. Ключ мне не понадобился. Моя проводница слегка коснулась кончиками пальцев радужного шара пропускного устройства у него на столе, бросила «это со мной», и перед нами открылась очередная пара дверей, ведущих в холл. Засверкали люстры, отразившись в бежевом мраморе стен. Зашумели струи фонтана, искрясь и рассыпаясь у поверхности воды. Из тенистых зарослей оранжерейных растений потянуло прохладой.

Мы подошли к лифту, и перед нами открылись двери темного дерева. Поднялись на пятый этаж. Номер оказался роскошным, трехкомнатным. Она указала на мягкий малиновый диван, огибающий полупрозрачный стол сложной формы. Села в кресло напротив, положила пальцы на столешницу.

— Ну, давай о деле, — сказала она. — У твоего «бхакта» какая группа крови?

— Не знаю.

— Спроси.

— Зачем?

— Для сотворения ложной личности, — она усмехнулась. — Все просто, дальше некуда. У каждого человека в крови биомодераторы. Достаточно перелить кровь. И система начнет принимать тебя за него. Правда и он получит доступ ко всем твоим счетам, коммуникациям и информации. Так что, если не доверяешь — лучше убить. И так, чтобы сведения о его смерти никуда не просочились. Пропал — и все.

— Ты так делала? — спросил я.

— Это не моя специальность. Я коммерсант. Просто, ты мне нравишься. А технологию я знаю, специалистов тоже. Сведу.

— Спасибо. Бхишме я доверяю.

— Тем лучше. Дай Бог, чтобы группа крови совпала.

— Договорились.

— Погоди. Есть еще одна маленькая сложность. Дело в том, что твои теперешние биомодераторы просто съедят чужие, если их предварительно не уничтожить. А уничтожать их в тебе нельзя. Если уж биомодераторы погибнут — что с тобой станет? Сам понимаешь. Поэтому перед переливанием чужой крови проводят еще одну не очень приятную процедуру. Твою кровь несколько раз прокачивают через фильтрационное устройство, чтобы концентрация биомодераторов стала настолько мала, что они не справятся с чужаками. Дело долгое и небезопасное. Там вещество какое-то в фильтре, не знаю, у них ноу-хау. Его тоже фильтруют, конечно. Но не дай Бог в кровь попадет, все может быть.

— Понятно. Как тебя зовут?

Она усмехнулась:

— Очень своевременный вопрос. Юлия.

— Юлия, дай мне руку.

Взял ее за кончики пальцев и коснулся их губами.

В глазах Юли мелькнуло удивление. На этот раз искреннее, не деланное, не для создания образа.

— Поняла? — спросил я.

— У тебя нет биомодераторов?

— Не знаю. Но сигнала от них нет. Возможно, кто-то уже проделал с моей кровью процедуру, которую ты описала.

— Возможно?

— За последнюю неделю в моей жизни многое случилось, и далеко не все я могу объяснить.

Появился кофе. Часть столешницы в центре стола, подернулась легкой рябью, словно была жидкой, затуманилась и исчезла. На свет божий выплыл серебристый поднос с дымящимися чашечками и печеньем.

— Спасибо, — сказал я.

И взял чашечку.

Юлия тоже отпила глоток, задумалась.

— У тебя нет устройства связи, — заметила она. — Возможно, твои биомодераторы дают слишком слабый сигнал, который невозможно зарегистрировать без усиления. Мало ли, повреждены… На, попробуй!

Сняла кольцо и протянула мне. Устройство связи дорогое, массивное, стилизовано под модный восемнадцатый век. Перстень с рубином. На традиционный средний палец не налез, и я надел его на мизинец.

Попытался установить связь и дотянуться до информационного поля. Кольцо не отвечало, зато я почувствовал дуновение Вселенной. Теперь я мог лучше отследить свои ощущения. Снизу вверх, по позвоночнику поднималось тепло, и сразу за ним шел холод, растекаясь по телу, словно жидкий азот. У кончиков пальцев вспыхнуло слабое свечение. Сначала красное, потом бледнее и бледнее. Наконец, в нем появился голубоватый оттенок. Я понял, что еще мгновение, и сожгу Юлин прибор.

Молниеносно сорвал кольцо. Посмотрел — цело. Рука еле заметно дрожит.

— Извини Юлия, — я старался говорить, как можно спокойнее. — Ничего не получается.

По-моему, она все заметила. Но виду не подала. Опустила глаза и отхлебнула еще чуть-чуть кофе.

— Что ж, тогда будем надеяться, что биомодераторов нет. В конце концов, можно проверить экспериментально. Сейчас будешь выяснять группу крови твоего «бхакта» или дождешься утра?

— Дождусь, — улыбнулся я. — Если позволишь остаться.

Мы как-то незаметно перешли на «ты».

— Еще как позволю! — сказала она.

Поднялась с места, подошла, склонилась надо мною. Тонкие пальчики нашли пуговицу моей рубашки, она покорно выскользнула из петли. Узкие ладони собрали ткань и раздвинули на груди, губы коснулись кожи над ключицей.

— Я давно не видела такого красивого мужчины, — прошептала она.

— В наше время красотой никого не удивишь, — заметил я.

И занялся ее сложным нарядом. Она попыталась помочь, но я взял ее руки за запястья и поцеловал, потом развел в стороны.

— Сам справлюсь.

Когда ее атласная блуза упала мне под ноги, и мои пальцы скользнули к застежке брюк, из ладоней уже рвался оранжевый огонь. Но ткань осталась цела. Эта штука жжется не во всех частях спектра.

5. Новое имя

Я встал на рассвете, подошел к окну.

Высоко в небе плывут подсвеченные солнцем облака. Как золотые рыбки. Стекло приятно холодит ладонь. Между пальцев — сиреневое свечение. Тихое, спокойное, не опасное.

Я подумал о Бхишме. Проблема биомодераторов оставалась. Надо бы с ним связаться. Свинство будить человека такую рань, но у них, кажется, в пять пуджа. Если мой личный бхакт еще не забил на воспевание бога Шивы — сейчас наверняка сидит на коврике в позе лотоса и читает мантры.

По позвоночнику поднимается тепло, сияние возле пальцев стало ярко-синим, руки похолодели. В голове возникла картинка, яркая и объемная, словно транслируемая устройством связи. Бхишма в своем гостиничном номере, который снимал для меня, зажигает курительные палочки перед скульптурой Шивы Натараджи, водруженной на тумбочку. Одет в оранжевую простыню и сандалии. Что-то поет на санскрите, отходит, простирается ниц.

Такое впечатление, что биомодераторы проснулись, и я смотрю фильм. Взглянул на руку: устройства связи нет, да и не может быть, вчера я вернул его Юле. Зато ладонь окутывает синий огонь.

Бхишма поднялся на ноги, прошептал «намашивайя» и двинулся к двери. Я совершенно четко понял, что его номер под нами, на четвертом этаже. Куда это он?

Он вышел в коридор, как был, в дхоти и сандалиях. Подошел к лифту. Двери разъехались в стороны, и он шагнул внутрь. Я видел его со стороны, и одновременно смотрел его глазами. В зеркале на стене лифта — отражение высокого молодого человека со странным выражением лица. Как во время экстатического танца.

Лифт остановился, и Бхишма ступил на этаж. На губах играла блаженная улыбка.

Подошел к двери номера, коснулся рукой звонка. У меня нет устройства связи, чтобы узнать параметры гостя, которые он соблаговолит открыть. Так что я слышал только музыку из прихожей. Но мне и не нужно никаких параметров.

Открыл дверь. В синем свечении возле пальцев забились желтые сполохи.

— Доброе утро, Бхишма.

Он посмотрел на меня с тем же молитвенным выражением.

— Вы звали меня, господин?

— Заходи.

Я не мог сказать ни «да», ни «нет». Возможно, звал.

Вошли в гостиную.

— Садись, — сказал я. — Бхишма, какая у тебя группа крови?

— Первая, — удивленно ответил он.

— Отлично. Резус положительный?

— Да.

— Совсем хорошо.

Он посмотрел вопросительно, но ничем более не выказал ни удивления, ни беспокойства.

— Мне нужна твоя кровь, — просто сказал я.

В его глазах восторг смешался со страхом.

— Я рад умереть для вас!

Я усмехнулся:

— Что ты вообразил? Не вся. Стакана хватит. Возможно, шприца. Нужны твои биомодераторы.

И с удивлением увидел разочарование в его взгляде.

— Вам не нужны биомодераторы, — почти обиженно произнес он.

Я положил руку ему на плече.

— Посмотрим.

Подпольная лаборатория находилась в десяти минутах лета от гостиницы, в тихим зеленом пригороде, среди особняков. Догорал закат. Вечер. Сумерки.

Юлия коснулась радужной кнопки звонка, мы с Бхишмой стояли рядом. Пикнул замок, дверь подалась, и мы прошли вслед за Юлей. Миновали сад, выдающий пристрастие хозяина к культуре древнего Китая.

Дом вполне европейского стиля имел полукруглый застекленный эркер. Мы поднялись по ступенькам, где нас встретил немолодой подтянутый человек. Одет по имперской моде, но скромно. В черных волосах пробивается седина, коса закреплена небольшим черным бантом.

— Добрый вечер, Алекс, — сказала Юля. — Это те, о ком я говорила.

Он кивнул.

— Это Алекс, врач, — пояснила она.

— Пойдемте! — сказал Алекс.

В доме мы сразу спустились в подвал, оборудованный под лабораторию. Довольно чисто. Стены отделаны зеленоватой плиткой. Медицинские приборы. В кресле у входа сидит молодой человек, почти юноша. Лицо худое, веснушчатое, глаза хитрые, вместо солидной косы — пышный рыжий хвост.

— Это наш программист Слава, — сказал Алекс. — Надо будет внести изменения в имперскую базу данных.

«Ничего себе, как просто!» — подумал я. Государство веками совершенствует систему контроля над подданными, и кажется, что и щелочки не осталось, чтобы пролезть, а вот — на тебе. На каждые путы находится нож.

— Юлия, подождите пока здесь, — сказал врач. — И вы, — кивнул Бхишме, — тоже.

Мы прошли в соседнюю комнату, тоже лабораторного вида.

— Садитесь, — сказал он.

И указал мне на медицинское кресло с опорой для головы и подлокотниками для рук.

— Сначала сделаем анализ крови. Это быстро.

— На группу? Вторая, — пожал я плечами.

— На биомодераторы, — пояснил он. — Надо хотя бы в общих чертах понять, что с ними.

Он коснулся моего локтевого сгиба прозрачным баллончиком анализатора. Боли не было никакой, даже, когда под стеклом заклубилась кровь. «А ты что ожидал здесь увидеть?» — спросил я себя. — «Толстые железные иглы пятивековой давности?» Судя по сумме, которую эти ребята запросили за услуги, они могли купить целый исследовательский институт. Вчерашнего выигрыша хватило, но съело большую часть.

Алекс сосредоточенно ждал, когда устройство связи анализатора выдаст ответ. Наконец, его брови поползли вверх, и недоуменно скривились губы.

— Ваши биомодераторы мертвы, Дмитрий. Абсолютно. Как вам это удалось?

Я развел руками.

— Ладно, — сказал он. — Так проще и быстрее. Фильтрация крови не понадобиться. Новые биомодераторы и так очистят ваш организм от этой дохлятины.

Выглянул за дверь. Кивнул кому-то.

— Идите сюда!

Бхишма вошел и сел на стул рядом со мной.

— Рукав заверните.

Вся операция заняла минут пять вместе с анализом крови моего бхакта. Ничего неправильного в оной жидкости не обнаружилось. Мне впрыснули его кровь. Ее понадобилось даже меньше, чем я думал: пара кубиков.

— Теперь коррекционный штамм, — сказал Алекс.

Ввели в вену еще кубик какой-то гадости.

— Зачем? — поинтересовался я. — У Бхишмы наверняка современные модераторы.

— Штамм корректирует не степень совершенства симбионтов, а выдаваемую ими информацию. Мы создаем виртуальную личность на основе личности вашего друга, как бы расщепляя ее на две. Теперь вы у нас Дмитрий Левицкий.

— Спасибо. А почему нельзя подкорректировать информацию родных биомодераторов заказчика? — поинтересовался я. — Понимаю, что не мой случай, но все же. Ведь это проще и безопаснее, чем убивать старые биомодераторы и вводить новые.

— Можно, — сказал Алекс. — Но ненадежно. У них есть скрытая память, которую мы пока не научились стирать. Если дело не очень серьезное — и черт с ней, все равно будет выдаваться новая информация, а старая спать. Но если на человека объявлен розыск — лучше сменить биомодераторы, с хорошей аппаратурой беглеца можно вычислить и по старому, латентному сигналу.

Я надел на палец перстень новейшего устройства связи, купленного сегодня возле космопорта. И мир раскрылся и обрел бесконечность. Я смог без усилий дотянуться до Сети, но почувствовал, как по позвоночнику поднимается жар, и не пошел дальше. Лучше сделать это в гостинице, где никто не увидит странного свечения моих рук.

Я в туалете номера Юлии, сижу на крышке унитаза. Жар поднимается по позвоночнику, и сияют руки. Все оказалось не так страшно: теперь мне требуется очень мало энергии для добычи информации. Свечение быстро приобрело фиолетовый оттенок и стало еле заметным. Могу не прятаться, чтобы выйти в Сеть.

Больше всего меня интересует катастрофа линкора «Святая Екатерина». В открытом доступе то, что я уже знаю от Бхишмы. Я усмехнулся надписи «информация недоступна», свечение возле пальцев на миг стало синим, и передо мной открылся секретный файл. Внутренний портал сети СБК. Для служебного пользования.

Линкор Святая Екатерина исчез третьего марта 540-го года Империи по времени Кратоса. Причина исчезновения неизвестна. Никаких следов не обнаружено.

В последнем нет ничего странного. Найти остатки корабля на огромных просторах галактики практически невозможно. Есть, конечно, известные звездные трассы и вряд ли линкор намного отклонился в сторону, но и трасса слишком велика для такой песчинки.

Я стал смотреть дальше.

Список экипажа… Список военнослужащих… На борту находился полковник Даниил Данин, обвиненный в государственном преступлении. Стоит ссылочка. Соблазн сходить по ней слишком велик. Гм… Господа из Службы Безопасности Кратоса посмотрят списки интересовавшихся и будут проверять. И выйдут на некоего Дмитрия Левицкого, виртуальную личность, созданную несколько часов назад.

Я заставил себя пройти мимо. Дмитрием Левицким, любопытствующим по поводу нашумевшего исчезновения линкора, вряд ли кто заинтересуется. Тысячи таких Левицких, если не миллионы.

Далее следовали выводы и предположения. Первое: террористический акт.

Второе: исчезновение линкора может быть связано с Т-проблемой и проблемой Дарта.

Первый термин не говорил мне ничего, связи с Дартом я не видел. Ссылок не было.

Я сделал глобальный поиск на «Т-проблема». Ничего. То есть вообще ничего.

Ладно. Проблема Дарта. Ну, это понятно. Информация была. В открытом доступе история отпадения Дарта. Дарт — землеподобная планета, богатая полезными ископаемыми. Весьма холодная, пригодна для жизни только небольшая полоса вблизи экватора. Обращается вокруг красной звезды. Вдруг, ни с того, ни с сего, прервала всякую связь с властями Кратоса. Посланный туда флот по непонятной причине не смог высадиться. Вблизи планеты замечена активность цертисов.

Я усмехнулся. Ну, если активность цертисов — тогда по понятной причине.

Я сделал запрос на «исчезновения людей». И меня снова вынесло на проблему Дарта. На Дарте перед его странным бунтом эта статистика сильно пошла вверх. Сейчас то же наблюдается на Ските и Тессе. Вблизи открытого мною Светлояра тоже замечена активность цертисов.

Так! Вероятно, прибытие сюда Третьего флота тоже укладывается в эту картину. Превентивное действие на случай неожиданного отложения Скита.

Допустим. Но все же, что за Т-проблема, и как она с этим связана? Ну, не может быть совсем ничего!

Я повторил попытку глобального поиска на «Т-проблему» и одновременно позволил жару, дремлющему в основании позвоночника, медленно ползти вверх. Наконец, ладони засветились синим, и я почувствовал холодное покалывание.

Информация недоступна…

Но это лучше, чем не существует. Я поднажал и увидел галактику далеко внизу, подо мною. Вселенский холод, и ощущение себя Вселенной.

Картинка сменилась. Алое небо с тремя багровыми солнцами, дающими меньше света, чем единственное солнце Кратоса. Широкое ровное поле, поросшее красной травой. Дарт? Дует легкий ветер, треплет сиреневые космы облаков. Сумеречно, тревожно. Вдали — то ли задранный вверх нос ракеты, то ли шпиль здания. К нему по нескольким дорогам стекаются люди. Или не совсем люди? Их тела и одежды светятся в разных частях спектра: красным, золотистым, зеленым, голубоватым, синим, фиолетовым. Последних мало. Теплые цвета преобладают. В основном, красный.

Последний участник процессии оборачивается и смотрит прямо на меня. Первая мысль — человек, вторая — такой же, как я. Третьей мысли не было — меня накрыло чудовищной головной болью.

Я успел увидеть капли расплавленного золота, стекающие на пол с пальца, где пару секунд назад еще функционировало устройство связи. И застонал. Сжал голову руками, запоздало испугавшись, что сожгу кожу и спалю волосы. Неимоверным усилием выдернул себя вниз, в реальность. И боль прошла так же резко как началась.

В дверь постучала Юля.

— Дмитрий, извини, что с тобой?

— Ничего, — с трудом выговорил я. — Все в порядке.

Ожоги не ощущались. Я посмотрел на себя в зеркало над раковиной. Действительно в порядке, хотя вид несколько изможденный, но все цело, даже волосы. Вероятно, я не могу сжечь сам себя.

Открыл дверь.

Юлия окинула меня озабоченным взглядом. Сразу заметила вызолоченный средний палец левой руки и отсутствие устройства связи.

— Я его сжег, — не дожидаясь вопроса, сказал я. — Надо купить новое.

— Вероятно, ты первый, кому это удалось, — заметила она. — У тебя палец в желтой краске.

Я проследил за ее взглядом.

— Да, действительно.

— Я завтра улетаю, — сказала она. — Надо поговорить.

Мы пили чай в той же гостиной с полупрозрачным столом и малиновыми креслами, где и вчера.

— Ты скрываешься, — начала она. — Я помогла тебе создать ложную личность, могу помочь и покинуть Скит. У меня свой торговый корабль. Роскоши и простора не обещаю, но ничего, бегает. Тебе куда?

— На Кратос.

Горячий чай обжигает язык. Ставлю на стол дымящуюся чашку. Как я мог не почувствовать ожогов от расплавленного золота?

— Кратоса тоже не обещаю. Хотя, там посмотрим. Вдруг будет груз для Кратоса? Пока лечу на Тессу.

Я кивнул.

Еще одна планета с исчезновениями людей. Еще одно звено в цепи проблемы Дарта.

— Тесса меня устроит, — сказал я. — Запредельной оплаты не обещаю, но у меня осталась часть выигрыша. И думаю, что это не последнее казино на моем пути.

Она рассмеялась.

— Я сразу поняла, что ты видишь, какой номер выпадет. За сколько времени? За пять секунд? За десять?

— Когда как. Но не раньше, чем запустят шарик.

— А я не больше, чем за десять секунд. Ты, кстати, поосторожнее: пару казино закроешь — больше не пустят, у них своя информационная сеть. У меня договоренность: три раза за вечер. Не более двух вечеров подряд. И ничего — все довольны. Доходы мои не астрономические, но и с голода не умру, даже если с товаром что-нибудь стрясется. И к ним клиент валит посмотреть на красивую женщину, которая всегда выигрывает. Значит, и казино можно обыграть, я даю игрокам надежду.

— Значит, договорились? — спросил я.

— При одном условии. Если я беру человека на корабль — я должна знать его настоящее имя и суть проблемы. А то не дай Бог, будет за мной гоняться вся полиция Кратоса!

— Будет, — сказал я.

— Но тем не менее.

Я задумался, стоит ли. В конце концов, и я о ней почти ничего не знаю. Зато она знает обо мне многовато. Я вспомнил вчерашнюю ночь. Такого единения у меня ни с кем еще не было. Приятный секс не основание для доверия, но, если сейчас не рискнуть — можно застрять здесь надолго. Боюсь, тогда СБК найдет меня раньше, чем я отыщу ответы на мои вопросы и пойму, кто мой враг.

— Полковник Даниил Данин, — представился я. — Косморазведка. Честно говоря, больше ученый, чем офицер. В недавнем прошлом — глава колонии на открытой мною планете Светлояр.

— Кажется, что-то слышала, — сказала она. — Дезертир?

— Не совсем. Если побег из-под стражи не считать дезертирством. Да и побег вынужденный. Корабль погиб. Мне чудом удалось выжить. Так, суть обвинения. Государственная измена. Откуда это взяли — понятия не имею. Не было никакого предательства.

Она усмехнулась.

— Везет мне на государственных преступников! Ладно, проверю.

— Не советую. Ты их на меня наведешь.

— Не учи ученую. Я сделаю это под прикрытием. Через короткоживущий виртуал.

— И такое бывает?

— И не такое бывает.

Утром я выспросил у Юли, где здесь ближайший лес побезлюднее, желательно с камнями или скалами. Она удивилась моему неожиданному желанию «прогуляться», но объяснила. Старт планировался только в шесть вечера, время было.

По пути пришлось купить новое устройство связи, иначе я бы не смог управлять вертолетом. Я оставил машину на посадочной площадке и стал подниматься в горы.

Еще не жарко, пахнет хвоей. Под ногами шуршит трава. Вдали, у подножия соседней горы, виден монастырь или храм, судя по архитектуре, буддистский. Слышен звон далекого колокола.

Скала нашлась без проблем. Словно по заказу, с плоской гладкой вершиной. Я снял перстень связи, спрятал в кошелек на поясе. Сел на камень, подогнув по-татарски ноги.

По позвоночнику поползло тепло.

Видение Вселенной и ощущение единства с ней пришло почти сразу. Я посмотрел на синий огонь, текущий из рук, не опасаясь, что его заметят. Это место мне рекомендовали как весьма безлюдное. Скала казалась гарантией того, что я не подожгу лес.

Настроился на «Т-проблему». Кажется, если не смотреть в глаза тем людям, можно успеть ретироваться, пока тебе не устроили инсульт или кровоизлияние в мозг.

Но видение не возвращается, словно перед моим носом закрыли дверь.

Дарт.

Я увидел красноватую звезду, гораздо краснее и холоднее солнца Кратоса.

Четвертая планета. Розовые облака в сиреневом океане атмосферы. Внизу — полоса красных лесов в обрамлении багровых степей, сжатых бледно-алыми ледяными шапками на полюсах. Лиловые воды океанов.

Дарт ни с чем не спутаешь, нигде больше нет такой цветовой гаммы.

На побережье материка город. Сияют на солнце шпили связи, между домов красные деревья. Город цел, нет следов войны или бунта. Но вот, жив ли? Пока не вижу ни вертолетов, ни машин.

Пытаюсь спуститься ниже. И в голову ударяет та же жуткая боль. Я отступаю. Но знаю: я на верном пути.

Может быть севернее? Я стою на красном леднике, дует ветер, поднимая снежную пыль и закручивая вихрями. Сумерки. Когда пыль рассеивается, видны звезды. Вдали — возвышается башня, увенчанная шпилем. Я ее уже видел. Та самая планета. Шпиль окружает золотистое сияние. Он манит к себе, и я делаю шаг.

Скоро снег и лед сменяет зеленая трава, становится теплее, и, кажется, атмосфера делается плотнее и богаче кислородом.

Меня больше не гонят — меня заманивают. У подножия башни стоит человек, он раскинул руки, словно раскрывая объятия. Одежды развеваются по ветру и сияют золотым и красным. Он весь окружен этим сиянием, в котором вспыхивают и гаснут желтые сполохи. Он такой же, как я.

Ускоряю шаг, почти бегу.

Все окутывает туман. Серый и плотный. Кто-то кладет руку на плечо. Оборачиваюсь: узкая ладонь окутана голубым сиянием. Рядом со мной та самая девушка, которую я видел во сне на гауптвахте «Святой Екатерины». Покрывало ниспадает на плечи, и под ним сияют волосы.

— Будь с ними поосторожнее, — говорит она, голос нежный-нежный, а губы белые, в голубизну, она словно вылеплена из снега, и холод исходит от руки.

Видение гаснет, и я падаю в свое тело.

Вокруг плывет раскаленный воздух, ладони, лежащие на коленях, сияют белым. Пытаюсь встать, опираясь на руку — пальцы вязнут в мягком горячем камне.

Когда я вернулся в номер, Юлии еще не было. Я связался с Бхишмой и пригласил его к нам.

— Нам надо поговорить.

Он опустился на диван и преданно посмотрел на меня.

— Скорее всего, я сегодня покину Скит, — начал я. — Тебе незачем лететь со мной. Это опасно. Я вне закона. Бери деньги со счета, сколько тебе надо, и возвращайся домой. Ты откуда?

Он горько усмехнулся.

— С Дарта. Мне некуда возвращаться.

Как я и предполагал… Я задумался.

— Тогда оставайся здесь. С деньгами не пропадешь. К тому же на Ските есть представители вашей церкви.

— Я не останусь, — жестко сказал он, и я почувствовал, какая сила заключена в душе этого мальчика.

Я хотел освободить его из мира иллюзий, заставить смотреть на мир и жить в мире, а смог лишь подменить собою его религию.

— Бхишма, — сказал я. — Я не понимаю, что со мной происходит, и что за сила, которой я обладаю. Скорее всего, это опасно. Очень опасно. И связано с грядущей войной. Скоро начнется война.

Я произнес последние слова и совершенно четко понял, что так и будет. Флот стягивают сюда не только для сохранения зависимости планеты. Есть внешний враг.

— Не дай бог тебе оказаться в эпицентре пожара, — продолжил я. — Останься.

Он упрямо крутит головой.

— Я не Шива, — заметил я.

Мы бы спорили еще долго, если бы дверь не открылась, и в гостиную не «вмолнилась» Юлия. Она плюхнулась на диван напротив меня, рядом упала красная сумочка. Нервные пальцы нащупали молнию и извлекли портсигар. Сигара коснулась бледных дрожащих губ, вспыхнул огонек зажигалки. Юля нервно затянулась, покосилась на Бхишму, стряхнула пепел в пепельницу.

— Так, — сказала она. — Бхишма, выйди!

Я кивнул.

— Даниил, — бросила она, когда мы остались одни. — Ты видел свое личное дело?

— Нет. Не рисковал смотреть.

— На нем пятый уровень секретности.

— Какой?

Я не поверил. Пятый уровень означал, что мое личное дело лежит в отдельном сейфе, доступ к которому есть только лично у дяди Вовы. Сейф стоит в хранилище сверхсекретных документов в особом подземном бункере под зданием СБК, за бронированной дверью, а вокруг развернут полк имперского десанта, вооруженный по последнему слову техники. И никакой связи с Сетью, это безусловно. Мне в жизни не приходилось видеть документы с уровнем секретности выше второго.

— Пятый, пятый, ты не ослышался, — повторила она. — И сама информация об уровне секретности является засекреченной. Мы еле докопались. В открытом доступе лежит твоя биография. И все. В подборке материалов о катастрофе «Святой Екатерины» — два слова о том, что ты обвинен в государственном преступлении и исчез вместе с кораблем. Все! Даниил, почему твое личное дело является секретом государственной важности? Выкладывай!

— Не знаю, — сказал я.

— Предположения?

— Предположение собственно одно…

Я задумался.

Она раскрыла портсигар, предложила выбрать сигару.

Я закурил. Сигары у нее дорогущие, табак явно с Тессы, а может и с земли.

— Меня пытались расстрелять. Там на Светлояре. Неожиданно помиловали и повезли на Кратос. На корабле со мной начало происходить что-то странное. Во время катастрофы мне показалось, что у меня из пальцев истекает энергия, которая плавит металл бронированной двери. Потом я видел серебристое сияние и мне кажется, что оно помогло мне выжить на практически лишенном атмосферы корабле и добраться до челноков. Я совершил аварийную посадку на Скит. Думаю, обгоревшие обломки шлюпа до сих пор лежат на берегу озера неподалеку от храма Шивы, где меня и нашел Бхишма. Всплески энергии были еще несколько раз. Бхишма заработал ожоги, когда схватил меня за руку в таком состоянии. Я смог вылечить его наложением рук.

Я замолчал. Юлия смотрела скорее задумчиво, чем удивленно.

— Я сразу заподозрила что-то в этом роде. С тобой было странно заниматься сексом, очень по-особенному. И ты видишь будущие события, так же, как я. Думаю, это проявление той же силы. На Дарте перед его исчезновением появились такие люди.

— Исчезновением?

— Что толку, что его видно с корабля, если подлететь достаточно близко. Планета, с которой невозможно связаться и на которую невозможно высадиться, практически не существует.

— Ты была там?

— Приходилось. Там год висит имперский флот. Офицеры иногда пользуются услугами вольных торговцев.

— В Сети нет сведений о людях с необычными способностями на Дарте.

— В Сети много чего нет, — усмехнулась она.

Юлия подошла к бару, достала бутылку коньяка и рюмки. Расставила на серебряном подносе.

— Будешь?

— Да.

Опустила поднос в центре стола. Мы выпили.

— Покажи, как ты это делаешь, — попросила она и закурила.

Я позволил теплу течь вверх по позвоночнику, пальцы засияли красным, потом все светлее и холоднее. Наконец, свечение стало беспримесно белым. Я положил руку на поднос. Металл раскалился, начал испаряться и осел на пальцах серебристым налетом. На подносе остался четкий отпечаток ладони.

Я посмотрел Юле в глаза, наконец-то удивленные. Как же она хороша! Разрумянившаяся, с чуть приоткрытыми губами, и прической, слегка утратившей блестящую идеальность. Настоящая! Без налета невозмутимости капитана космического корабля. Мне захотелось прикоснуться к ней, и я чудовищным усилием подавил это желание. Не сейчас.

— Да, — прошептала она. — Службистов можно понять. Они знали.

Я погасил сияние и перевел дух.

— Они не могли знать. Это началось после ареста.

Она покачала головой.

— Кто их знает, как вас вычисляют.

Я пожал плечами.

— Юля, так ты меня берешь?

— Да, я тебя беру, хотя это полное безумие, — сказала она и бросила недокуренную сигару на изуродованный поднос.

Кивнула в его сторону:

— Надо забрать с собой или уничтожить.

— Уничтожить лучше, — заметил я. — Но негде. Эх! Придется тащить железяку.

Лицо Юли приобрело сосредоточенное выражение человека, получающего послание, маленькая рука сжалась в кулак и ударила по столу.

— Ах, черт! У них что-то стряслось. Через час закрывают космопорт на вылет. А значит, мы вылетаем немедленно. Давай, полковник, собирай вещи! Быстро!

— Все свое ношу с собой, — спокойно сказал я. — Не нервничай, успеем.

— Так собирай своего бхакта!

— Мальчик остается здесь. Со мной слишком опасно.

— Боюсь, что здесь будет опаснее.

— Ты уверена?

Она развела руками.

— Ладно, — сказал я. — В конце концов, я его приручил. Придется нести ответственность.

Связался с Бхишмой по Сети:

— Мы сейчас вылетаем, — сообщил я. — За полчаса соберешься?

— Да за пять минут! — воскликнул он.

Контроль в космопорте прошли без осложнений. Стартовали в пожарном порядке, так что Юля толком не познакомила с командой. Я успел усвоить, что высокий бородатый парень со сдержанными манерами и скандинавским именем Витус — бортинженер и программист, худой и длинноносый мужик, похожий на домашнюю крысу, — врач и еще кто-то, а угрюмый мужчина моих лет и примерно моей комплекции — специалист по защите и помощник капитана. Имени я не запомнил и пока обозвал «старпомом».

Корабль назывался «Вийон». Я усомнился, стоило ли давать такое название якобы торговому кораблю, явно подрабатывающему контрабандой. Великий был поэт, конечно, но все же вор. Не будут ли проверять с удвоенным вниманием?

— А! Они неграмотные! — отмахнулась Юлия.

Далеко внизу медленно поворачивался зеленый бок планеты Скит, а рядом плыли гигантские тела кораблей военного флота. Так что наш кораблик казался карасем возле стаи морских китов.

— Нам приказывают лечь в дрейф, — сказала Юля.

Она сидит в кресле капитана и находится в контакте с кораблем. Вся информация через нее, инженера и старпома. Мы с Бхишмой всего лишь пассажиры, и наши устройства связи изолированы от корабля. Крысообразный врач кивнул. Значит, тоже в команде. Связист? Психолог? Специалист по тактике? С наибольшей вероятностью я бы предположил второе.

Ждем. Гигантское тело линкора занимает весь экран и повернуто к нам освещенной солнцем стороной. Черные Иглы Тракля и длинные прямые трубы сверхмощных лазеров смотрят прямо на нашу скорлупку. Обилие стволов напоминает орган. Орган смерти. На таком играть реквием. Красиво, но жутковато. От линкора отделяется челнок и плывет к нам.

Пронесет? Нет? Как будут проверять.

— Смотрите! — воскликнула Юля.

На соседнем мониторе, показывающим то, что происходит по другую сторону нашего корабля, появилось нечто похожее на облако серебристого света, причем правильной шарообразной формы.

— Цертис, — прошептал Бхишма.

— Ты-то откуда знаешь? — спросил я.

— Видел. Еще на Дарте.

— Цертис, — кивнула Юлия. — Приходилось встречать. Тоже в системе Дарта.

Да, конечно цертис. Я ни разу не видел их живьем и так близко, но изображения нам показывали еще в Академии.

— У нас нет аннигиляционного оружия, — сказал Витус.

Да, это известно. Никакое другое цертисов не берет.

— Надо сообщить имперцам, — сказала Юлия, обернулась к нам. — Ребята, я подключаю вас к системе. Лучше вам быть в курсе. Хрен знает, что творится!

— Им может прийти в голову проаннигилировать нас вместе с цертисом, — заметил угрюмый старпом.

— Вряд ли, Серж, — задумчиво проговорила Юлия. — До него и так доберутся.

— Говорит торговый корабль «Вийон», — сообщила она. — У нас по левому борту цертис.

— Уйдите с линии огня. Двести метров на север. Быстро! — приказали с челнока.

Мы метнулись в сторону. Цертис не сдвинулся и на миллиметр. Как висел в центре монитора — так и остался. Скорость относительно корабля равна нулю.

— О, дьявол! Как приклеенный! — выругался старпом.

Там, где мы были секунду назад, возникло слабенькое свечение аннигилирующих атомов верхних слоев стратосферы Скита. Я подумал, что подальше, в межзвездном пространстве, мы бы вообще ничего не увидели.

— Уйдите с линии огня! Двести метров на запад. На пределе скорости!

Мы послушались. Корабль дернулся, нас вжало в кресла. Имперский бот метнулся на восток, пытаясь достать цертиса. Как бы не так! Цертис был на порядок быстрее. Он уже спрятался за нас, и стал недоступен имперскому оружию. Игла Тракля проаннигилировала высокий вакуум.

— Внимание! Боевая тревога! Возвращайтесь на базу! — прозвучал приказ с линкора.

«Вийона» он, очевидно, не касался, зато имперский бот бросил нас вместе с цертисом и поплыл к сияющему гиганту.

— Что у них стряслось? — взволнованно спросила Юлия.

Повисла тишина. Казалось бы, мы должны испытать облегчение из-за отмены досмотра, но боевая тревога на линкоре сулила, куда большие неприятности.

Мы впились глазами в мониторы.

— Витус! Серж! Давайте потихонечку к туннелю, — шепнула Юля.

И мы тихой сапой поплыли в открытый космос, подальше от имперского линкора и его проблем. Цертис тащится за нами, как привязанный.

На мониторе медленно уменьшалось изображение линкора, а сверху на него наплывало огромное красноватое облако в серебристых сполохах, похожих на электирические разряды.

— Это еще что такое? — недоуменно бросил старпом.

— Гроза в космосе, — усмехается крысообразный врач. — Давай-ка побыстрее, Юленька.

— Что это, Ген? — тихо спросила она.

— Я бы сказал, что войско цертисов, если бы у них было войско, и они умели краснеть от стыда. Но наукой установлено, что войска у них нет, и они все поголовно серебристо-белые — так что черт его знает!

Мы уже неслись на всех парах, когда среди красного марева проявились силуэты кораблей. Много! Очень много!

— Это имперский флот из системы Дарта, — прошептала Юля.

Линкор выстрелил из всех бортовых аннигиляторов одновременно, и красное облако вспыхнуло ослепительно белым огнем. Мы на миг ослепли. Линкор поддержали другие корабли флота, висевшие на орбите дальше от нас. И западный сектор пространства залило

бледным пламенем и прорезало расходящимися лучами воронок Тракля, раскрытых навстречу багровому сиянию.

И тогда из красного облака вылетела струя огня и окутала линкор и два корабля сопровождения. Перед тем, как провалиться в пространственно-временной туннель мы еще успели увидеть их почерневшие искореженные обломки.

Мы медленно приходили в себя, наблюдая на мониторе искаженный и смазанный рисунок созвездий — типичную картинку для гиперперехода. Цертис по-прежнему висел на хвосте.

Пространство искривлено прихотливо и самым неожиданным образом, так что система, до которой добрая сотня световых лет может находиться на расстоянии одного перехода, то есть в нескольких часах лета по туннелю. Схему переходов труднее соотнести со звездной картой, чем схему подземных коммуникаций с картой современного города.

Спустя пять часов мы вышли в систему Тессы, которую можно увидеть со Скита только в радиотелескоп, если бы он там был.

6. Герман Маркович Митте

Отпечаток ладони на столешнице довольно бледный, но невооруженным взглядом виден рисунок капиллярных линий. Тонкая аппаратура позволит получить подробную картинку. Смотрится странно. Словно рисунок сделан с помощью пульверизатора с серебряной краской. Только, исходя из этой версии, капиллярные линии объяснить нельзя.

Для меня все ясно. Значит, был серебряный предмет: блюдо, поднос, тарелка. И на нем кто-то решил продемонстрировать свои способности. Блюдо забрать догадались, а на то, что под ним, не обратили внимания. Картинка получилась в результате испарения атомов серебра со дна подноса.

Как только атака была отбита, мы смогли спуститься на Скит. Слава Богу, еще нашу планету. На этот раз Они отступили, хотя мы заплатили немалую цену. Из всего Третьего флота остался один линкор и два легких корабля. Эх, Данька, Данька! Неужели и ты из них! Как же жаль!

Я сам сказал твоей матери об аресте. Хорошо, что не пришлось сообщать о расстреле. В последний момент оспорили показания одного из твоих коллег по экспедиции. Он не мог видеть сияния вокруг твоего тела, его просто не было рядом в тот момент. Владимир Юрьевич решил рискнуть и отменил казнь. Тем более, что на него давили сотни две умников, жаждущих «исследовать феномен». Ну, исследуйте теперь. По этому «феномену» лучше сразу из аннигилятора.

Я бросил взгляд на отпечаток ладони. Тогда еще были сомнения — теперь, увы, нет.

Помню, как у Людмилы задрожали и посерели губы, как стали влажными глаза. Я никогда не думал, что эта женщина умеет плакать.

— Неправда, он не мог предать, — прошептала она.

Я молчу. Не имею права говорить об истинных причинах ареста. Т-синдром — болезнь, но это слишком опасная болезнь. Слишком разрушительная для Кратоса. Мы не можем публично заявить о ней. Это вызовет панику. Сказать матери, все равно, что публично, она не смирится.

— Там есть основания, — говорю я. — Даня не принял императора, фрондерствовал, даже не скрываясь.

— Как фрондерствовал? Личную армию создавал? Закупал оружие? Вступил в сговор с махдийцами? Герман! Он не Анри Вальдо! — она презрительно усмехнулась. — Посмеялся над дядей Вовой, да? Герман! Это не преступление!

Не преступление, но приговор. Т-синдром — в любом случае приговор, единственное основание, по которому можно расстрелять человека без юридических формальностей. И основание под грифом «секретно». Так что приходиться придумывать иные причины, чтобы придать казни видимость законности. Что значит чья-то честь по сравнению с целостностью империи? Обвинение в предательстве ложно? Допустим. Пока! Через несколько недель, в крайнем случае, месяцев, когда трансформация будет завершена, это станет истиной.

Обломки «Святой Екатерины» нашли два дня назад. Двести пятнадцать трупов и тридцать пять пропавших без вести. В последнем нет ничего удивительного. Тела унесло в открытый космос. Найти не представляется возможным. Развороченные, выжженные внутренности корабля. Личности большинства погибших пришлось устанавливать с помощью генетической экспресс-экспертизы. Ты среди пропавших без вести.

Характер разрушений заставляет остановиться на двух версиях: Т-проблема и террористический акт. Тот факт, что на корабле был человек с Т-синдромом, делало первую более вероятной.

На стене аварийного отсека обнаружена надпись «RAT». Но это еще не гарантия того, что к делу причастна Республиканская Армия Тессы. Возможно, попытка навести на ложный след. Тессианцы давно не устраивали террористических актов такого масштаба, со времен Анри Вальдо. А если они, то у них наверняка был сообщник из офицерского корпуса линкора или поселения колонистов. Это заставляет предположить, что обвинения против тебя, Даня, не так уж беспочвенны. Ты же человек дела. Тебе ли ограничиваться пустой болтовней!

Владимир Юрьевич вызвал меня к себе и велел взять дело под личный контроль. Я поразился тому, что проблема решается на таком высоком уровне.

— Я уже веду дело Даниила Данина, — заметил я.

— Они будут объединены в одно. Вы ведь занимались Т-проблемой, Герман Маркович?

— Да, государь.

— Вот и отлично. У меня нет лучшей кандидатуры.

Ближайшей планетой к месту катастрофы оказался Скит. К нему были стянуты корабли Третьего флота. Причин две: замеченная в последнее время активность цертисов и все та же катастрофа корабля. Т-проблема единичными неприятностями не ограничивается и это слишком серьезно, чтобы медлить и экономить горючее. Можно потерять планету. Дарт уже просрали.

Мои агенты спустились вниз и стали искать «что-нибудь необычное». Именно так и проявляет себя Т-проблема. Более конкретно сказать невозможно.

В Калапе все шло своим чередом, ничего из ряда вон выходящего. Стали искать по ближайшим монастырям. Хорошо, что Скит малонаселенная планета, а то бы мы засели здесь на недели и месяцы, несмотря на применение новейших технологий поиска.

След обнаружился в храме Шивы-Натараджи. Там появился некий незнакомец. Так как это произошло после праздника Шиваратри, монахи сочли это мистическим событием. Человек не провел в храме и дня, ушел в город с одним из монахов по имени Бхишма. Это могло не иметь к Т-проблеме ровно никакого отношения. Я даже сомневался, стоит ли тянуть за эту нить. Попросил все-таки описать пришельца. И тут меня зацепило. Уж очень похож на тебя. Невозможно. В таких катастрофах не выживают. Но для Т-проблемы невозможное почти закономерность.

Когда на берегу озера неподалеку от храма нашли полу-сгоревшие обломки десантного шлюпа — исчезли все сомнения. На борту еще можно было разобрать надпись: «Святая Екатерина».

Я попытался, было, отследить дальнейший путь Бхишмы, но тут началась заварушка на орбите, и Т-проблема развернулась над нашими головами во всей угрожающей мощи. Когда планету удалось отстоять, я поднялся на сохранившийся линкор, а Бхишму бросил на помощников.

Пока я выслушивал воспоминания участников сражения, пришла информация о гостинице, где останавливался Бхишма. Потом он покинул планету на корабле известной контрабандистки Юлии Бронте. С ним был некий Дмитрий Левицкий. Я навел справки по Сети и через мгновение имел удовольствие любоваться твоей фотографией.

В наше время слишком трудно спрятаться. Хотя, если бы не странное появление в храме Шивы тебе бы, наверное, удалось. Как же ты выжил в той мясорубке? Или у тебя есть брат-близнец? Я поморщился. Ну, это уж явное преумножение сущностей.

Итак, я стою в номере Юлии Бронте и смотрю на серебряный отпечаток твоей ладони.

Мой ассистент Витя покрывает его чувствительной пленкой, преобразующей изображение в цифровую форму, перстень связи передает картинку в мозг. Запрос по базе данных — одно мгновение.

— Рука Даниила Данина, — говорит Витя.

— Да, полковника Даниила Андреевича Данина, — киваю я.

Часть вторая

7. Даниил Андреевич Данин. Тесса

Улицы Версай-нуво напоминают аллеи загородной королевской резиденции, давшей название столице Тессы. Много зелени, фонтанов и цветочных клумб, каждая из которых — произведение искусства. Иногда улица ныряет под огромную стеклянную крышу, причудливой формы: то с хитросплетениями сияющих металлоконструкций, то с вкраплениями зеркальных панелей и витражей. Дома отличаются архитектурой столь же причудливой и смелой. Ни один не похож на другой, но вместе они образуют некое художественное целое.

Сумасшедшее здание, в котором нет ни одного одинакового окна, ровного пола и прямой стены: все искривлено самым неожиданным образом, а на балконах и верандах растут деревья, вполне гармонично вписывается в общую картину. По словам Юли, здесь самые высокие цены на жилье, а обитает высший слой местной богемы. Впрочем, почему местной? Богема Тессы — богема Империи. Если Кратос — политический центр, то Тесса — культурный.

Среди магазинов преобладают салоны модной одежды, парфюмерные лавки, винные погребки и кондитерские. А речь местного населения является причудливой смесью французского, испанского и немецкого языков.

Юлия радуется, как ребенок. Забегает вперед, поворачивается ко мне лицом, раскидывает руки, словно стремясь обнять этот город. И я из Даниила вдруг превращаюсь в «Даниэля».

— Версай-нуво, Даниэль! Моя родина.

Даже акцент появился, хотя Юлия прекрасно говорит по-русски. На Ските акцента не наблюдалось.

— Я жила здесь с родителями, пока мы не переехали на Кратос. Моя бабушка до сих пор здесь.

— На блины зайдем? Тессианцы едят блины?

— Еще как! Всем блинам блины, толстые, вкусные. У вас их зовут «оладьями», а у нас «блинами».

Вместо бабушкиного дома Юля затаскивает меня в модный магазин. Ну, ничего. На моем счету остались деньги, а казино здесь в количестве. Оказывается, она собирается разодеть меня, причем по своему вкусу и, естественно, за мой счет. Мои требования к одежде состоят всего из трех пунктов: она должна быть чистой, не рваной и соответствовать температуре забортного воздуха. На отслеживание модных тенденций мне хронически жаль времени.

Юля выбрала запредельно узкие черные штаны и нырнула со мной в примерочную. Заставила покрутиться перед зеркалом так и сяк, тонкие руки обняли за талию, носик ткнулся в грудь. Подняла глаза, преданно посмотрела на меня и прошептала:

— Классно!

Из салона я вышел одетым, как вельможа или представитель той самой части богемы, что обитает в доме с разными окнами. Атласные штаны дополнила свободная белая рубашка с жабо и кружевами почти женской пышности, черный, шитый серебром камзол и трость черного дерева, инкрустированная перламутром. Суммы, оставшейся на счету, не хватило бы даже на обед. А значит, вперед, в казино! Никуда мы от него не денемся.

Законодательство Тессы отличается умопомрачительным либерализмом, если не либертарианством. «Баба Настя» снисходительно относилась к вольностям «самого изысканного бриллианта в своей короне», возможно, потому, что и сама была дамой далеко не чопорной. Но крепкий православный мужик «Дядя Вова» вполне мог навести здесь шороху, так что «бриллиант» пребывал в ожидании перемен к худшему и веселился напоследок со всем размахом,

на который способен. Были открыты казино и рестораны всех национальных кухонь, шел театральный фестиваль: спектакли далеко не целомудренного содержания играли прямо на улицах и площадях, а на вечер был обещан карнавал.

Я подумал о мрачноватых последствиях местного либерализма. Казалось бы, веселая штука свобода, но только здесь, на Тессе, узаконено право граждан на самоубийство. Изнанка либертарианского общества, от которой хочется поежиться.

Впрочем, я гнал от себя несвоевременные мысли. Ну, кому в таком прекрасном городе захочется наложить на себя руки? Наверное, суицид для них проблема чисто умозрительная. Потому и разрешили.

Бхишма остался в гостинице, причем почти добровольно. У них нашлись общие темы для разговора с Юлиным борт-врачом Геной. Медицина что ли? И, слава Богу!

Ближайшее казино называлось «Дворец Локи», и было стилизовано почему-то под средневековый замок. Правда, материалами для строителей послужили стекло, искусственный мрамор и металл, так что стилизация вышла далекой от оригинала. «Дворец» был велик и полон посетителей. По сравнению с ним казино на Ските — так, мелкая лавочка. Публика сплошь в вечерних нарядах почти придворной роскоши. В наших с Бхишмой скромных костюмах, купленных на Ските, нас бы сюда просто не пустили. Зато теперь я нисколько не выделялся из толпы.

Мы с Юлей сели за стол с рулеткой и пару раз выиграли. Перешли к другому столу.

— Дим, обрати внимание вон на того мужика в сером костюме, — шепнула Юлия. — Он перешел за нами.

Обращение по вымышленному имени, вероятно, означало крайнюю степень конспирации.

Я посмотрел на вызвавшего подозрение мужчину. Парень, как парень. Играет, проигрывает. Попытался поймать его взгляд. Он быстро отвел глаза. Я почувствовал, как тепло поднимается по позвоночнику, и спрятал пальцы в кулаки. Нет! Не здесь. Не сейчас. Обойдемся пока обычными методами.

— Давай еще раз поменяем стол, — тихо сказал я.

На новом месте парень появился с задержкой на пару минут и не сел за стол, а остался стоять за спинами зрителей, но я его заметил.

— Ты права, — шепнул я Юле. — Уходим.

Мы быстренько сдали фишки в кассу и вышли на улицу. Выигрыш был маловат.

— Попробуем оторваться, — сказала Юлия.

Мы бросились на стоянку городских гравипланов и нырнули в полупрозрачное яйцо летательного аппарата. Оно сорвалось с места и бесшумно воспарило вверх. Под нами замелькали улицы. Я отметил, что техника здесь гораздо лучше, чем на Ските. Даже самый совершенный вертолет не сравнится с гравипланом ни по удобству, ни по скорости. Зато последний и дороже. Все-таки Тесса богатая планета.

Мы сделали круг почета над казино и еще успели увидеть нашего знакомца, закуривающего и тут же бросающего сигарету перед входом во «Дворец Локи». Шпион тоже отправился на стоянку.

Не догонишь! Мы прибавили скорости, и скоро затерялись в рое таких же сияющих элипсоидов.

— Здесь есть еще одно неплохое казино, — заметила Юля.

В заведении под названием «Волшебный котел» мы добрали недостающую сумму и отправились ужинать в ресторан Тессианской кухни «Мулен де Виалет». Я затруднился с переводом: то ли «фиолетовая мельница», то ли «мельница Виалетты»?

— Мельница Аннибала Виалета, — пояснила Юля. — Это хозяин.

Мельница действительно имелась, причем сиреневая. Это сооружение вращало на крыше лопастями из цветного стекла, сверкающими разноцветными лампочками.

Ресторан был окружен садом, обнесенным железной оградой в старинном стиле. Над аркой входа сияла фиолетовая же надпись с названием заведения. В саду, под навесом, стояли столики. Был и основной зал под крышей с мельницей, но мы решили остановиться здесь.

Сумерки, дует теплый ветер. На столиках горят свечи. Пламя слабо колеблется, отражаясь в лужицах парафина. Звучит негромкая музыка. Подают местное вино.

Я беру руки Юлии в свои, поочередно целую пальцы. Она улыбается. Берет бокал, смотрит сквозь него на пламя свечи. Вино краснее сердолика.

Приносят острый салат с крабами. Огромный шницель, мягкий и сочный. Бутылка подходит к концу. Я стремительно пьянею.

Ее улыбка плывет перед глазами, лицо вписывается в рисунок созвездий. Замечаю оранжевое сияние возле пальцев, привлекаю ее к себе, целую.

Меня, словно ударило в спину струей холода. Я почувствовал чей-то взгляд и мгновенно протрезвел.

Обернулся.

За соседним столом сидит широкоплечий грузный мужчина. Свеча потушена, но я догадался, кто это. Герман Маркович Митте. Генерал Службы Безопасности Кратоса и друг моего отца.

Я аккуратно отстранил Юлю, губы коснулись ее руки.

— Прости. Похоже, мне предстоит серьезный разговор.

Встаю и иду к его столу. Слегка презрительный изгиб губ, маленькие глазки на широком лице. Я не ошибся.

Сажусь напротив.

— Что же вы в темноте, Ваше Превосходительство. По мою душу?

— По твою. Не хами, — угрюмо говорит он. — Как ты выжил?

— Милостью бога Шивы, — усмехаюсь я.

— Не хами. Твое положение более чем серьезно.

— Догадываюсь, Герман Маркович.

— Насколько?

— Давайте без обиняков, Ваше Превосходительство. Я не виновен. Не думаю, что для вас это тайна. А, значит, у кого-то на меня зуб. У кого? У кого настолько высокопоставленного, что он мог организовать мой расстрел?

Он повертел в руках вилку, буркнул:

— Ни о чем ты не догадываешься.

— Так просветите, Герман Маркович. Вы же хотели этого разговора. У вас же наверняка здесь полк СБКшников, которые явятся по сигналу вашего устройства связи. Ведь так?

— Я хотел дать тебе шанс, Даня. У тебя Т-синдром.

Я приподнял брови:

— Это еще что?

А в памяти тут всплыла таинственная «Т-проблема».

— Болезнь. Нечто вроде одержимости. Как-то связана с деятельностью цертисов. Точнее никто не знает — одни предположения. Человек на короткое время обретает паранормальные способности. Видит ближайшее будущее, рукой плавит камень, подносы серебряные уродует, — он ухмыльнулся. — К сожалению, это ненадолго. Сгоришь меньше, чем за год. Еще более прискорбно, что успеешь натворить дел. Помнишь орбиту Скита?

Я кивнул.

— Это была агрессия таких же, как ты. Дарт — тоже ваших рук дело.

В памяти всплыло «Проблема Дарта».

— Герман Маркович, я впервые увидел цертиса на орбите Скита. Через полторы недели после ареста! — сказал я. — Он прятался за нашим кораблем от имперского линкора и исчез, когда мы прошли гипер.

— Ты уверен? Цертисы способны принимать различные формы. Взгляни на свои руки!

Возле пальцев горело синеватое пламя. Я даже не успел отследить, когда оно зажглось.

— Ну, что дальше? — спросил я.

— Я могу дать тебе возможность сохранить честь. Обвинения на людей с Т-синдромом возводятся для того, чтобы придать казни видимость законности. Обвинения будут сняты, если ты сделаешь все сам.

— Пулю в висок? — спросил я.

— Пуля тебя не возьмет. Возьми аннигилятор.

— Я не цертис, — усмехнулся я.

— Ты так думаешь?

Я вспомнил Иглы Тракля в руках гвардейцев, которые собирались меня расстреливать. Все вроде бы вставало на свои места. Все или не все?

— Я говорю об этом, пока ты способен слышать, — продолжил Герман. — Надеюсь, что способен. Пока для тебя что-то значит слово «честь». Еще немного и ты так опьянеешь от своей силы, что любые слова будут бесполезны.

Я вспомнил, как несколько часов назад думал о том, что на этой планете не может возникнуть мыслей о самоубийстве, несмотря на законность этого действия. Здесь все можно юридически оформить. Пойти к нотариусу, оставить посмертную записку. Что-нибудь про ложные обвинения, невыносимость позора и надежду на посмертную реабилитацию.

Ну, уж нет! Сейчас, когда у меня появилась свобода, любовь, деньги, наконец, умирать из-за какой-то мифической чести?

Я увидел усмешку в глазах Германа, словно он прочел в моих мыслях словосочетание «мифическая честь». Не может быть честь мифической, не должна.

— Пойми, Даня, — сказал Герман Маркович. — У тебя нет другого выхода и этот наилучший. Ты все равно погибнешь. Неужели ты хочешь взять с собой несколько сотен человек?

Я посмотрел на улицу сквозь решетку сада. Кривая улица, мощеная булыжником в старинном духе. Напротив кафе под названием «Кошачий хвост». Окна украшены цветами и фонариками. Над оградами домов нависают кисти глицинии, цветет жасмин. Тихий ветер доносит запах. И еще аромат ее духов. Она взволнованно смотрит на нас. В огромных глазах играют отсветы свечи, зажигают красный камень в перстне.

— Герман Маркович, — говорю я. — Возможно, вы правы. Но я хочу быть уверенным в том, что не совершу фатальной ошибки. По старой дружбе ответьте на несколько вопросов.

Он кивнул.

— С больными Т-синдромом всегда расправляются так? Ложные обвинения, затем — расстрел из Иглы Тракля. Зачем так сложно? Это же целая история приговорить человека к смерти! Когда была последняя эвтаназия в Психологическом Центре? Тридцать лет назад?

— Тридцать пять, — холодно заметил Герман. — В случае Т-синдрома совершенно другая процедура.

— То есть никакой процедуры! — усмехнулся я. — И где сообщения о казнях? Почему либеральные журналисты не гремят об этом по всей Сети?

— Было несколько казней, Даня. О них еще сообщат, услышишь.

— Эти люди считаются живыми? Постфактум сообщат? Чтобы не шокировать общественность?

— Да. Чтобы не гремели.

— А все же, почему не нанять убийцу?

— Последнее незаконно. Государство достаточно сильно, чтобы сделать все законным путем. Впрочем, ты прав. Бывают и специальные операции.

— Спасибо за откровенность. Тогда еще. По чьему приказу со мной было решено поступить именно так?

— Ты знаешь это не хуже меня. Три дня назад я разговаривал с Императором. Он лично интересуется этим делом.

— Так вот откуда пятая степень секретности!

— Пятая? Третья. Т— проблемы — третья степень секретности.

— А мое дело — пятая, — я усмехнулся. — Вероятно, вам тоже не все известно. Людям, которые достали эту информацию, незачем было меня обманывать. А теперь обратите внимание, Герман Маркович: здесь несоответствие, там несоответствие. Цертис появился слишком поздно, уровень секретности не тот. Вам не кажется, что здесь что-то не так? Что мы чего-то не знаем. Допустим, кому-то понадобилось не только убить меня, но и непременно опозорить.

Генерал поморщился.

— Я так понимаю, что разговора не получилось.

Я пожал плечами.

— Тогда я вынужден тебя арестовать, — сказал он.

Он молниеносным движением выложил на стол короткую трость.

— Это аннигилятор. Проверять не советую.

— У меня альтернативное предложение, Герман Маркович. Я хочу добраться до истины, а для этого мне надо быть на свободе. Оставьте при мне своего агента. Если я предам и присоединюсь к армии агрессоров — пусть он убьет меня.

Он хмыкнул:

— Ты расправишься с ним в два счета и раньше, чем он успеет что-либо сообразить.

— Я не буду о нем знать.

Он задумался. И я взглянул ему в глаза и увидел душу.

— Герман Маркович, вы же не зря отправили ваших людей на Дарт и на Махди искать меня. Все думали, что я отправлюсь туда к врагам империи и моим возможным союзникам. И только вы поняли, что я попытаюсь добраться до Кратоса. Сколько с вами агентов? Двое? Трое?

Из тьмы за его спиной выступили две тени. Никакой формы, одежда средних горожан, не пытающихся выделиться из толпы. В руках — Иглы Тракля.

— Ничего не могу поделать, Даня, — сказал Герман. — У меня нет таких полномочий. Ты арестован.

Я начал вставать из-за стола, когда раскрылось небо. Ало-золотая вспышка заняла полнебосвода и ушла за горизонт. Вечер обратился рассветным утром, раздался грохот и вой. Заложило уши. Я схватился за голову и упал обратно на стул. Слава Богу, что Герман и его агенты не выстрелили от неожиданности.

Небо угасло и вспыхнуло вновь.

— Что это? — воскликнул я.

Но перстень связи уже услужливо доставил информацию: «несколько секунд назад Тессу атаковали метаморфы». Я вопросительно взглянул на Германа.

— Твои друзья, — холодно прокомментировал он.

Юля бросилась ко мне. Обняла, прижалась.

— Даня, что делать?

— Это бой в космосе, — сказал я. — Пока, думаю, ничего.

Люди в ресторане повскакивали с мест. Самые нервные подхватили вещи и ринулись к выходу. Любопытные остались глазеть на зрелище.

Юля вцепилась в мою руку и как загипнотизированная смотрела на зарево. Герман был спокоен как имперский линкор, только чуть расширенные ноздри и морщинка возле губ: «Ну, чего и следовало ожидать!» Агенты застыли за его спиной, как манекены.

Снова загрохотало и завыло. Значит, шибанули по атмосфере — в космосе звук не распространяется. А значит, было по чему стрелять, и ситуация действительно становится опасной, поскольку нам на головы вполне может упасть здоровый кусок металлолома с высоты в триста километров. И не факт, что весь сгорит по пути.

Вой перешел на более высокие ноты и превратился в визг. Через все небо с севера на юг прошло скопление горящих обломков, словно туча огненных мух. Снова загрохотало, на этот раз где-то за городом.

Наконец, проняло и любопытных. Столики стремительно пустели.

— Пойдем отсюда! — взмолилась Юля.

Честно говоря, не видел смысла. При такой высоте разброс осколков может охватывать континенты. Все зависит от направления скорости подбитого корабля. Возможно, здесь самое безопасное место.

Зато, какая соблазнительная мысль в суматохе оторваться от Германа и его присных!

— Пошли, — сказал я, и мы бросились на стоянку гравипланов.

Краем глаза я успел заметить, что и генерал встал из-за стола и поспешил к выходу. Надеюсь, он не выстрелит из аннигилятора мне в спину. Не в его характере стрелять в толпу.

Посадочная площадка была полупуста. Еще немного, и нам бы не хватило машины.

Мы с Юлей плюхнулись на сиденье, и гравиплан взмыл вверх.

— Туда, на запад! — крикнула она, и я повел машину в указанном направлении. Оно все равно значения не имело.

Сквозь прозрачную крышу было видно зарево битвы. Оно стремительно уменьшалось, но становилось ярче, словно стягиваясь в одну точку. А на темной стороне неба появился десяток ярких звезд, плывущих к зареву.

«На нашей орбите — чужой флот, — прокомментировали в непрерывных новостях. — Он опознан как флот Дарта».

Я тут же вспомнил сражение на орбите Скита. Там тоже был флот Дарта и корабли имперского флота из системы потерянной планеты. Об имперских кораблях новости умалчивали.

«Флот, который оставался на поверхности планеты и на орбите, когда связь с Дартом была потеряна, — пояснили в новостях. — Корабли исчезли и считались погибшими».

Воскресшая эскадра подошла к красному зареву и засияла сотней мелких звездочек — легкие корабли.

А наша с Юлей скорлупка начала медленно снижаться. За нами, отставая на сотню метров, шел гравиплан Германа.

— В чем дело? — нервно спросила Юля.

— Вероятно, граница города. У вас на общественном транспорте ставят защиту от угона?

— Да, конечно, — упавшим голосом сказала она.

Городской транспорт не предназначен для междугороднего сообщения.

За нами стремительно снижалось еще несколько машин.

Я приказал жару течь вверх по позвоночнику, и пальцы мгновенно засияли синим. Перед глазами возникла якобы недоступная вшитая программа управления гравипланом. Я коснулся рукой панели бортового компьютера и отключил ограничитель облетной территории. Мы снова поднялись вверх.

Под нами лежали посаженные гравипланы. Стеклянные бока отражали алое зарево, напоминая красную икру.

Я обернулся. За нами летела туча машин, и все опускались туда же, новые поверх уже приземлившихся. Люди не успевали выйти. Стекло на гравипланах прочное, но и у него есть предел. Послышался треск и крики.

Вот бы отключить блокировки на всех машинах. Я попытался, но не смог. Для этого я должен быть рядом. Вспомнилась сияющая девушка из сна: «Ты еще не вполне владеешь своей силой».

Не могу я лететь дальше! Поворачиваем, описываем дугу.

Там, где должен быть космодром, небо разорвалось, и на землю ударил столп красного пламени, разветвленный наверху, как молния. Колонна, держащая небеса! Мировое древо Иггдрасиль!

И ночь стала ярче полдня. Внизу Герман. Он лежит на земле. Наверное, ранен. Пытается ползти. Прямо на него медленно опускается очередной гравилет.

Я понял, что не прощу себе его смерти. Есть такая статья в кодексе Кратоса «неоказание помощи». Он друг моего отца. Он уговаривал меня покончить самоубийством. Ну, и хрен с ним!

Я направил гравиплан вниз, прямо к нему, оттер падавшую на него машину (она отлетела в сторону) резко затормозил и впечатался в землю в десяти сантиметрах от его руки.

Открыл дверь.

— Герман Маркович, подняться сможете?

Он посмотрел без удивления, словно так и должно быть.

А разве не должно?

Подал ему руку, он обхватил ее. Я спрыгнул на землю, помог забраться на заднее сиденье. Аннигилятор, висевший у него на поясе, мгновенно оказался в моих руках.

Я не жду от Германа удара в спину, я не помню за ним подлости, но так спокойнее. Он не протестует, не до того. На лице застыла гримаса боли.

— Насколько плохо? — спросил я. — Врач нужен?

— Пусть пока биомодераторы работают, — тихо сказал он. — Там посмотрим. Ты лети, лети, куда летел.

Сзади доносится гул. Включаю внутреннее зрение и все равно оборачиваюсь, пораженный увиденным. На космодром величаво опускаются корабли Дарта.

Летим над лесом. Сияние почти угасло, красноватые сумерки. Деревья клонятся под ветром. В этой пасторальной картине есть что-то зловещее. Лес почти черен. Пепелище и кровь.

Встряхиваю головой. Прочь! Прочь! Пейзаж кажется картинкой из будущего. Ерунда! Будущее — только вероятность.

Юлия смотрит на меня. Касается руки. И я совершенно четко понимаю, что она видела то же самое. Возле ее пальцев слабое голубоватое свечение. Показалось? Или это отсвет моего?

Лес сменяют фруктовые сады и виноградники, мы подлетаем к маленькому городку.

8. Теос

Гравиплан приземлился возле кирпичной ограды небольшого особняка. Юлия подошла к двери, положила руку на радужную полусферу, выступающую из стены. Сказала вслух потессиански:

— Здравствуй, Алисия!

Неплохо знаю этот язык, но какую-нибудь редкую лексику могу и не понять, и я переключил устройство связи в режим перевода — хотелось чувствовать себя совсем свободно.

— Это твоя бабушка? — спросил я.

— Угу, — она улыбнулась. — Сейчас откроет.

«Бабушка» являла собой полную противоположность внучке: резковатые черты лица, нос с горбинкой, тонкие губы, темные волосы. Прическа мужская, даже присутствует коса, украшенная черным бантом. Правда, коса на дюйм длиннее традиционной мужской, а бант шире. Она невысока ростом и несколько склонна к полноте. Одета модно, но сдержанно. Узкие лиловые брюки, белая блуза под пояс, лиловый камзол с серебряным шитьем. На вид ей можно дать лет сорок, но выдают как всегда глаза, темные, глубокие, властные. Значит, она старше… раза в два.

— Это Алисия Штефански, — представила Юля. — Моя… родственница.

— Здравствуй, Джульетта, — сказала она.

И окинула меня совершенно бабушкиным взглядом: что за нового хахаля завела внучка?

Торопливо протянула руку для поцелуя.

— Это Дмитрий Левицкий, — сказала Юля. — Еще с нами раненый.

Алисия кивнула.

— Тащите его сюда и пойдемте в дом. Помощь нужна?

— А где Артур? — спросила Юля.

Кто это? Дед? Брат? Племянник?

— В Версае. У них в колледже вечеринка. Собирался вернуться утром.

Юля побледнела, и я понял: сын.

— Выходил на связь минут пятнадцать назад, — сказала Алисия. — Все живы.

Юля не успокоилась и явно пыталась его вызвать.

— Я должна его вывести, — прошептала она. — У них паника. Выгружай своего генерала! Быстро!

— Я не отпущу тебя одну, — спокойно сказал я.

И направился к гравиплану.

Герман терпеливо ждал.

— Биомодераторы считают, что у меня перелом, — сказал он. — И трубят о необходимости операции. Здесь есть хирург?

— Госпожа Алисия! В вашем городе есть хирург? — переадресовал я вопрос.

— Да, я сейчас с ним свяжусь.

Ответа мы не услышали, потому что вновь вспыхнуло небо. Золотое зарево с горизонта до горизонта.

— Что это? — воскликнула Юля.

Хотел бы я знать!

Угасло оно также мгновенно, словно сам Господь прошептал: «Да не будет света!».

И навалилась тишина. Страшная, неестественная. Я не сразу понял, что нас отрезало от Сети.

— Связи нет, — тихо проговорила Алисия.

— Далеко до больницы?

Бабушка взглянула на гравиплан.

— Пять минут.

— У вас есть другой транспорт?

Она кивнула.

— Гравиплан. Есть еще минивертолет, но на нем улетел Артур.

— Одолжите гравиплан?

— Берите. Я отвезу вашего друга.

Она пропустила нас в сад и махнула рукой в сторону посадочной площадки. Аннигилятор Германа я, на всякий случай, прихватил с собой.

Гравиплан Алисии красный, сияющий, с изящными обводами, не чета простенькому городскому транспорту. У бабушки есть вкус и деньги.

Я положил руку на его гладкий бок и тут же сообразил, что Алисия не могла передать машине приказ подчиняться мне. Связи же нет! А как мы его вверх поднимем?

— Он меня знает, — сказала Юля, и ее рука легла рядом с моей.

Двери не дрогнули. Юлия побледнела, сжала губы и дернула за механическую ручку, которые до сих пор ставят на машинах на случай отказа электроники. Дверь открылась, Юля нырнула внутрь, положила ладонь на панель управления. И побледнела еще сильнее.

— Не отвечает! — воскликнула она. — Связи нет! Вообще нет, понимаешь! Даже контактной!

Я почувствовал взгляд и обернулся. На садовой дорожке, опираясь на узловатую яблоню стояла Алисия. Она тоже не смогла поднять гравилет.

— Выгружайте вашего друга, — сказала она. — От этой стекляшки сейчас не больше пользы, чем от консервной банки. Доеду до больницы на велосипеде.

Герман Маркович пытался идти сам, морщась всякий раз, когда ему приходилось наступать на больную ногу. Так что по большей части я тащил его на себе.

Алисия выделила гостю кровать и пошла за велосипедом. Пока она ездила, я пытался утешить Юлю. Все равно не можем добраться до колледжа. Ну, никак!

— На велосипеде, — сказала Юля. — У Артура тоже есть велосипед.

— За сколько доедем?

— Если поторопимся — то за час.

Госпожа Штефански вернулась минут через пятнадцать в настроении хуже некуда.

— Раненых полно, — бросила она. — Некогда им. Больница перегружена. В саду ставят навес и кладут маты. Сказали: привозите. На чем интересно?

Я задумался. Можно попытаться довести Германа пешком, точнее дотащить на себе. Но это займет не меньше часа. Можно соорудить носилки из подручных материалов и дотащить на себе, возможно, подключив к работе обеих дам. Тоже долгая история. Я посмотрел на то, как Юля ломает руки, и понял, что не обреку ее на это мучение.

— Ладно, попробую, — сказал я.

Подошел к Герману. Из пальцев вырвалось зеленое пламя.

Очень не хочется тратить на него Силу. В душе червоточинка, гнев, обида. Как бы целительные зеленый огонь не сменил цвет независимо от моей воли. Как бы мне его не убить.

— Что ваши биомодераторы, Герман Маркович? — спросил я.

— Молчат, — усмехнулся он. — Ты еще не понял: внутренней связи тоже нет.

Зеленое пламя пролилось на него и окутало больную ногу.

— Так вот как это выглядит! — прошептал он.

Биомодераторы в крови есть и в рабочем состоянии, утеряна только связь. Ставить на место осколки кости не в их компетенции. Не уверен, что в моей.

Зеленое сияние не восприняло ткань как препятствие и втекло в мышцы через поры кожи. Мне не хватает знаний, я не врач, зато полная картина перелома перед глазами. Нужна

информация. Я отнял руки и позволил энергии течь вверх, пальцы засияли фиолетовым, и знание пришло.

— Что слабо? — спросил Герман. — Вы умеете только разрушать.

Я не ответил.

Пламя снова обрело зеленый цвет.

— Теперь терпи, — приказал я. — Не уверен, что смогу полностью обезболить.

Осколки костей медленно поползли друг к другу. Герман откинулся на подушку и закусил губу. Я холодно отметил, что боль терпимая, если не теряет сознания.

Я не торопился, давая биомодераторам восстановить поврежденные ткани, отыскивая мельчайшие частички костей и ставя их на место. Вся операция заняла минут пятнадцать. Наконец, я смог перевести дух. Вытер пот со лба тыльной стороной кисти. У Германа тоже выступили на лбу крупные капли пота и вымокла подушка.

— Все, — сказал я. — Сегодня лучше не вставайте, а завтра — ваше дело.

Обернулся к дамам:

— Пойдем Юлия. Где велосипеды?

— Даня! — окликнул Герман.

— Да?

— Спасибо, — сказал он. — Хотя, честно говоря, ты поставил меня в положение, когда древние самураи вспарывали себе живот. Ну, ты понял.

— Не торопитесь, Герман Маркович, все очень быстро меняется, — усмехнулся я.

Взял под руку Юлю.

Госпожа Штефански проводила нас взглядом, который показался мне странным. Словно что-то подобное она уже видела.

Колледж находился в университетском городке на окраине Версай-нуво. Ехали мы, действительно, около часа. Городок был построен явно в подражание Оксфорду или Кэмбриджу, тот же серый камень строений, стилизованных под средневековье. Никакого барокко Сорбонны, перестроенной при Ришелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.